

Г. К. ШАМБА

ЭШЕРСКИЕ КРОМЛЕХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
СУХУМИ — 1974

«Эшерские кромлехи» — историко-археологическое исследование, посвященное археологическим памятникам, впервые раскопанным автором на территории села Эшера. Время возникновения эшерских кромлехов — начало второго тысячелетия до н. э. Являясь типичными образцами мегалитической (крупнокаменной) культуры, рассматриваемые памятники дают представление о материальной и духовной культуре племен исторической Абхазии.

Редактор О. Х. БГАЖБА

РАСКОПКИ КРОМЛЕХОВ

В феврале 1969 г. в Абхазский институт ЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР поступило сообщение от местного учителя истории Ш. Е. Конджария о том, что во время земляных работ на Эшерском пришкольном учебно-опытном участке обнаружили необычно поставленные ряды камней вместе с древними предметами и костями. Осмотр местности в 100—150 метрах севернее Нижнегумистинского моста, где кончается южная граница возвышенности Кутышха*, рядом со зданием Эшерской средней школы, подтвердил это сообщение** (табл. I). Тогда же был найден бронзовый предмет рогообразной формы, увенчанный стилизованными бараньими головками, характерными для дольменной культуры Абхазии¹ (табл. XXV, 4). Вещь находилась среди обнаженных камней вместе с человеческими костями (как впоследствии выяснилось, она происходила из центрального круга кромлеха № 2 (табл. XVI).

Обнаруженные ряды были выложены песчаниковыми глыбами буроватого цвета и плоскими известняковыми плитами. Как было установлено, песчаниковые глыбы наблюдаются на расстоянии около 1 километра севернее самого памятника, а известняковые плиты доставлялись сюда из села Верхняя Эшера, т. е. из мест, отдаленных на 4—5 километров от района местонахождения известных эшерских дольменов².

Уже первый осмотр показал, что это древнее коллективное захоронение, закругленной формы, с диаметром около 25 метров***.

* «Кутышха» по-абхазски означает Куриная гора. См. также: Д. И. Гулиа. История Абхазии, I, Тифлис, 1925, стр. 301. Существует иное толкование этого топонима. Так, по мнению топонимиста Г. З. Шакирбай, Кутышха тождественна «Кутышха» или «Акуратэ ашха», т. е. место, возвышенность, где приносили клятву. Г. З. Шакирбай. Топонимика Абхазии (рукопись).

** В предварительном осмотре памятника принимали участие проф. Ш. Д. Инал-ипа, Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, М. М. Гунба и автор.

¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. I, Тбилиси, 1949, стр. 288, табл. XXX, 5. Его же. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии, КСИИМК, VIII, 1940, стр. 11.

² Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми, I, 1960, стр. 11—12.

*** По словам местных жителей, еще 10—15 лет назад над насыпью возвышались вековые деревья. А в 1961 году кладонскатели извлекли из насыпи большую известняковую плиту, длиной около двух метров, шириной метр с лишним, и разбили ее. Раскопки показали, что эта плита была связана с центральной площадью кромлеха № 1.

Установив примерные границы памятника и предварительно разбив его на отдельные участки, мы приступили к земляным работам. Первые же штыки показали, что под покровом курганообразной насыпи скрывались два самостоятельных однотипных, памятника, имеющих по несколько concentрических кругов и представляющих собой одну из разновидностей мегалитических построек — кромлехи³. (Табл. XVI).

Кромлех № 1. Из двух вскрытых нами эшерских кромлехов лучше сохранился кромлех № 1, расположенный к юго-западу от кромлеха № 2 (табл. XVI). Он в плане имеет круглую форму. Диаметр — 11,60 м. Состоит из четырех concentрических кругов. Каждое кольцо сооружено из массивных вертикально поставленных каменных глыб. Четвертый круг (счет кругов ведется изнутри) сложен из самых массивных и высоких камней (размеры наибольшего из них — 85 x 92 см); камни же остальных колец по высоте в два раза меньше. Количество камней в кругах различное: так, четвертый состоял из 51 камня, третий — 41, второй — 31, первый — из 18, ориентированных сглаженной стороной внутрь. Несколько загадочным остается назначение дополнительно поставленных камней вдоль третьего круга (см. квадраты 57 — 59, 48), как бы окаймляющих наружную его сторону. Среди них особо выделяются большие камни. По характеру сооружения этот своеобразный дополнительный полукруг имеет прямое отношение к основному кругу. Об их одновременности говорят однородность строительного материала, вертикальное положение камней, одинаковый уровень их залегания и т. д.

Прослеживается соблюдение определенных пропорций между диаметрами кругов и колец-дорожек. Так, диаметр центрального круга равен ширине второго, третьего и четвертого кругов вместе взятых.

Максимальная глубина залегания камней от нулевой поверхности 100 — 110 см (табл. XVI). Находки главным образом встречались в центральном круге кромлеха. Именно в нем производились захоронения. Иногда кости и зубы вместе с погребальным инвентарем встречались и за пределами центральной площади как между каменными кругами, так и за линией кромлеха.

Кромлех № 2. Расположен северо-восточнее первого на расстоянии 40 см от него (табл. XVI). Этот кромлех так

³ Эшерские кромлехи раскапывались в течение двух лет (1969 — 1970 гг.). Состав экспедиции: Г. К. Шамба (начальник), И. И. Цвинария, В. Кварчия, К. Габия и группа учащихся Эшерской средней школы. (Г. К. Шамба. Раскопки кромлехов в с. Эшера близ Сухуми. Археологические открытия 1969 года. М., 1970, стр. 359—360.)

же, как и первый состоял из четырех concentрических кругов и был воздвигнут из тех же камней. О полной его форме можно судить лишь по сохранившимся фрагментам. Диаметр кромлеха № 2 меньше первого на 60 см (т. е. 11 м). Наклонный рельеф не мог не отразиться на глубине залегания кругов. Так, первый круг камней погружался в древний грунт на 16 см глубже, чем четвертый. Центральная площадь второго кромлеха также служила местом захоронения и обкладывалась большими известняковыми плитами (табл. IV).

При сооружении обоих кромлехов камни-монолиты ставились вертикально, вплотную друг к другу. Промежутки между ними тщательно закладывались камнями (табл. X, XI). Иногда над рядами вертикально поставленных каменных глыб-столбов горизонтально укладывались камни в виде пролетов (табл. IV).

Для сооружения кромлехов специально рыли ямы-канавки, куда погружались примерно на $\frac{1}{3}$ высоты камни-столбы, а затем засыпались гравием и голышами (табл. X). На этом уровне и находилась дневная поверхность кромлехов, о чем говорит сохранившаяся на большинстве камней темная полоса.

Предметы и комплексы предметов, являющиеся непосредственным объектом исследования, извлечены из различных участков и глубин. Ниже будет показано последовательное расположение этих предметов с указанием квадратов, где они обнаружены.

У наружной стены четвертого круга второго кромлеха на глубине 35 — 40 см попадались фрагментированные человеческие кости и зубы, глиняные черепки, бронзовый наконечник стрелы (табл. XXVI, 4), булавка с так называемой молоточковидной головкой (табл. XXVI, 7), две бронзовые бусины бочонковидной формы малых размеров (табл. XXV, 41), железный наконечник копья (табл. XXVIII, 4), железный нож (табл. XXVIII, 7) и бронзовый предмет в виде гирьковидной привески (табл. XXVI, 5а).

В квадрате 24, на глубине 80 см, обнаружено маленькое каменное сооружение в плане трехугольной формы. Сложено оно из пяти известняковых плит, поставленных ребром (табл. VIII). Размеры наибольшей плиты — 23 x 54 см при толщине 5 — 6 см. Внутри сооружения лежали три фрагментированные человеческие кости и два бронзовых предмета: маленькая бусина бочонковидной формы и одна подвеска в полтора оборота. Судя по сооружению и найденным в нем вещам, рассматриваемый объект является небольшим человеческим захоронением, по всей вероятности, дольменного типа. Такое же функциональное назначение имело и четырех-

угольное в плане сооружение. Три стороны его состоят из маленьких, уже свалившихся известняковых плит (размер самой большой плиты 4 x 10 x 24 см), четвертой же стороной служила большая каменная глыба от первого круга. Внутри этого маленького сооружения находились фрагментированные человеческие кости (табл. IX).

Участок квадрата 57—58 с внешней стороны служил как бы дополнительной изгородью третьего кольца первого кромлеха, протяженностью 7 м. При расчистке его основания под камнями на глубине 65 см от нулевой поверхности обнаружена бронзовая серьга в полтора оборота.

Квадрат 19 расположен к востоку от наружной стены четвертого кольца второго кромлеха. Здесь на глубине 105 см от современного уровня, прямо у подошвы камня, были обнаружены 7 маленьких глиняных сосудов, среди которых некоторые с крышками (табл. XXIII, 2). Характер залегания этих сосудов подсказывает, что они были чисто ритуальными. Этому не противоречит и объем самих сосудов. Они являлись по сути дела миниатюрными копиями бытовой керамики.

Квадрат 17—18 находится на юго-западе от четвертого кольца дорожки второго кромлеха. Здесь прямо к камням ребром были приставлены известняковые плиты размером 20 x 25 и 30 x 42 см при толщине 4 x 5 см. Остается несколько непонятным их назначение. Несмотря на отсутствие датирующих предметов, характер залегания этих плит не вызывает сомнения, что они должны иметь прямое отношение к кромлехам и были установлены одновременно с ними.

Квадраты 43, 50 представляют собой площадь центральной части кромлеха № 1, образованного вертикально поставленными камнями первого кольца. По своему местонахождению в центре кромлеха, сосредоточению в нем основной массы предметов, мощности культурного слоя (105—110 см), а также по тому вниманию и заботе, которыми было окружено это место в момент его бытования, можно утверждать, что центральному кругу отводилась особая роль.

Квадраты 4—5—6 — неразрушенная часть центрального круга второго кромлеха. Судя по характеру залегания предметов и костей, типу находок и т. д., рассматриваемый нами объект так же, как и центральный круг первого кромлеха, является местом, где производили захоронения.

Для того, чтобы иметь суждение о том, как и когда осуществляли этот сложный обряд, следует ознакомиться со стратиграфией одного из кромлехов. Например, возьмем второй кромлех, точнее наиболее сохранившуюся центральную его часть (табл. XVI). Наибольшая глубина его залегания

падает на квадраты 4—5, 10, достигая мощности одного метра от современной поверхности. Верхний слой «а» — 22 см состоит из гумуса темно-бурого цвета. За ним идет слой «б» светло-желтой глины с включениями камней разных размеров. Мощность его составляет 28 см. В нем изредка попадаются фрагменты человеческих костей, а также украшения и другие разновременные предметы. За слоем «б» следует самый нижний слой «в», мощностью 35 см, насыщенный человеческими костями без соблюдения какого-либо анатомического порядка, что не дает возможности выделить и подсчитать количество отдельных погребений.

Кости равномерно разбросаны по всей площади центрального круга. Среди них в большом количестве встречались голенные, бедренные кости, фрагменты от черепов, чаще всего попадались зубы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди множества человеческих костей совершенно отсутствуют ребра. То же самое можно сказать в отношении позвонков (аналогичная картина и в первом кромлехе), где среди человеческих костей найдены кости крупной собаки. (Определение проф. Н. И. Бурчака-Абрамовича). Подсыпка состояла из мелкой гальки, преимущественно зеленоватого цвета (табл. XIV). Она специально доставлялась с морского берега.

В четырех случаях вместе с костями встречались деревянные угольки. Кости всегда сверху покрывались небольшими известняковыми плитами разных размеров. Принцип подсыпки и покрытия сверху известняковыми плитами всегда соблюдался. Как видно, основным слоем, в котором содержатся человеческие останки вместе с погребальным инвентарем, является нижний слой «в».

АНАЛИЗ ВЕЩЕВЫХ НАХОДОК

Во время раскопок эшерских кромлехов было выявлено большое количество керамики и металлических предметов (свыше 500 экземпляров).

1. Керамика (табл. XVIII—XXII). Среди множества глиняных изделий удалось восстановить несколько сосудов. Но имеется также большое количество обломков от неопределенных сосудов в виде венчиков, стенок, днищ, ручек и т. п.

Для получения основной массы керамики применялась глина с большой примесью песка, иногда и мелкого гравия, в результате чего поверхность получилась шероховатой; а наличие щербинок на стенках сосудов должно свидетельствовать о выгоревших и выпавших органических примесях из состава глины. Почти на всех сосудах видны следы заглаживания, а иногда и лощения. Обжиг происходил прямо на костре, результатом чего является его неравномерность. Несмотря на это, сосуды изготовлены довольно качественно и поэтому нелегко подвергаются ломке.

Есть и другая категория черненых сосудов с розовой подкладкой. К сожалению, из-за отсутствия выразительных фрагментов о формах этих сосудов судить трудно. Это были сосуды крупных размеров с толщиной стенок около 1 см, из лучше отмученной глины.

Рассмотрим некоторые характерные виды керамических изделий (кружки, рюмочки, горшки).

Кружки. По форме и способу орнаментации они делятся на 3 типа.

Тип 1. Кружка с лжеручкой, вогнутой внутрь закрайной, плоским дном, без орнамента, найдена в нижнем горизонте второго кромлеха — слой «в». Высота — 3,8 см, диаметр устья — 4,2 см, диаметр дна — 3,2 см (табл. XVIII, 2; XXIII, 1). Выявление подобных сосудов не является новым в археологии края. Впервые они стали попадаться при раскопках дольменов Абхазии¹ и Северо-Западного Кавказа².

¹ Б. А. Куфтин. Материалы... I, стр. 155, 292; Н. Ломоури. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962, рис. 3—4.

² Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены. МАК, IX. М., 1904, стр. 27—35.

Тип 2. Кружка с парными шишечками на закрайках венчика, с вогнутым дном и хорошо заглаженной поверхностью. Высота — 4,3 см, диаметр устья — 4,5 см (таблица XVII, 1; рис. XXIII, 3).

Тип 3. Кружка с горизонтальной ручкой, украшена угловым шевронным орнаментом, состоящим из трех параллельных врезных линий (табл. XVII, 14). Высота — 5,5 см, диаметр плоского дна — 5 см, диаметр устья — 7 см, средняя толщина стенки — 0,4 см. По красоте исполнения этому сосуду не уступает также и другая находка из второго кромлеха. Речь идет о кружке с миниатюрной ручкой, верхним концом соединенной с венчиком при помощи штифтика. На противоположной стороне от ручки, прямо у закрайны, имеется выступ, очевидно, предназначенный для захвата пальцами. Сосуд обожжен неравномерно, имеет легкое лощение. Вдоль наружной стороны венчика нанесен такой же угловатый шевронный орнамент, как и на предыдущем сосуде. Высота — 7,5 см, диаметр устья — 9 см, диаметр дна — 4,3 см, толщина стенки — 0,4 см (табл. XVIII, 3).

Очень близка к этому типу кружка, происходящая из нижних слоев эшерских дольменов, отнесенных Б. А. Куфтиным и О. М. Джапаридзе к эпохе средней бронзы³. Отдельные черепки с такой же шевронной орнаментацией засвидетельствованы в третьем слое Мачарского поселения, датированного В. В. Бжания концом ранней бронзы, первыми веками II тысячелетия до н. э.⁴

В качестве ближайшей аналогии можно привести глиняную кружку с неразвитой ручкой и шишечными выступами для «захвата», обнаруженную во втором слое холма Диха-Гудзуба и отнесенную Б. А. Куфтиным к раннебронзовой эпохе⁵. Единственное различие между ними прослеживается в орнаменте; если на экземпляре из Диха-Гудзуба шевроны нанесены округлые, то на эшерских угловатые. Прибегая к параллелям, можно было бы привлечь также сосуд Северо-кавказского происхождения. Речь идет о кружке Кумбултского могильника Верхняя Рутха, происходящей из погребения № 16, которая по контуру тулова и выступам вдоль венчика напоминает эшерский экземпляр. Как известно, погребение № 16 могильника Верхняя Рутха датируется

³ О. М. Джапаридзе. Дольменная культура Грузии. ТТГУ, 77, стр. 89, рис. 7, Тбилиси, 1959. Н. Ломоури. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962, рис. 3, 1.

⁴ В. В. Бжания. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, I, 1966, стр. 122—123, рис. 5, 2.

⁵ Б. А. Куфтин. Материалы..., II, Тб., 1950, стр. 249—250, табл. 63, 3.

Е. И. Крупновым второй половиной второго тысячелетия до н. э.⁶

Рюмочки. По своей форме они делятся на три типа.

Тип 1. Рюмочки с крышками и кнопковидными выступами (табл. XVII, 2, 4, 7—9, 17, 19). Насколько известно, в столь ранних памятниках Абхазии крышки от сосудов встречаются впервые.

Тип 2. Рюмочки без крышек и орнамента. В основном они красноглиняные с расширяющимися кверху краями (табл. XVIII, 5).

Тип 3. Рюмочки с четко выступающими ножками и вогнутыми внутрь венчиками (табл. XVIII, 4, 6; XVII, 3, 6).

Горшки. Среди керамических сосудов кромлехов значительное место занимают горшки. Всего насчитывается около тринадцати экземпляров. Большинство из них было обнаружено в центральном круге первого кромлеха (табл. XIX, 1—14; XX, 4, 7, 12) и один в центре второго (табл. XVIII, 1). Размеры их колеблются от 14—15 до 30 см в высоту. Они, как правило, все имеют круглый корпус, отогнутый наружу венчик с выделенными шейками и плоским дном.

Горшки по форме и способу орнаментации делятся на два типа.

Тип 1. Горшки этого типа происходят из нижнего горизонта (слой «в») второго кромлеха. Они буроватого цвета, с большим включением песка, имеют высоту 15 см, диаметр устья — 11,6 см, диаметр дна — 5 см, толщина стенок — 0,5 см (табл. XVIII, 1), морфологически имеют прямое отношение к сосуду из эшерского дольмена (раскопки О. М. Джапаридзе)⁷.

Тип 2. Имеет более выделенное дно, а также с обеих сторон ровное лощение шоколадного цвета с розовой подкладкой (табл. XXII, 1). По двум сохранившимся обломкам можно судить, что сосуд был украшен сверху вниз тонко нанесенным орнаментом в виде елочки, напоминающей, с одной стороны, узоры керамических сосудов ранней куро-араксской культуры из Шулаверис-Гора Центрального Закавказья⁸, с другой стороны, орнаментацию чернолощенных сосудов Новосвободненских курганов⁹.

Среди керамических находок эшерских кромлехов, наря-

ду с восстановленными сосудами, встречаются в большом количестве фрагменты венчиков, донышек, ручек, которые не дают суждения о форме. К ним относится большая группа керамики с ленточновидными закрайками в один или два пояса, с вертикально стоящими или слегка отогнутыми наружу венчиками (табл. XXII, 4; табл. XIX). Сохранились закрайны сосудов с тремя шишечками под венчиком (табл. XXII, 10), очень напоминающие сосуды Гумистинского поселения раннебронзовой эпохи¹⁰.

II. Металлические изделия. Наряду с керамическими изделиями обнаружено значительное количество бронзовых и железных предметов.

Бронза. Кинжалы. По форме они делятся на два типа.

Тип 1. Клинок листовидной формы по мере приближения к концу резко суживается. На его поверхности не прослеживается никаких следов от прикрепления черенка или места его зажима (размеры: длина — 14 см, наибольшая ширина — 4,5 см) (табл. XXVI, 2). Кинжал происходит из четвертого круга первого кромлеха (квадрат 33). По своей типологии он абсолютно совпадает с бронзовым кинжалом, происходящим из основного нижнего слоя одного из эшерских дольменов.

Б. А. Куфтин, впервые опубликовавший дольменный кинжал, относил его к средней бронзе или же к ее концу¹¹. Судя по описанию, такой же листовидный кинжал был найден в дольмене № 1 в 1937 году в слое «г», датируемом Л. Н. Соловьевым первой половиной второго тысячелетия до н. э.¹² Аналогичный кинжал найден О. М. Джапаридзе в том же селе Эшера в 1956 г. в первом слое дольмена № 1. При определении возраста этого слоя автор согласуется с датировкой Б. А. Куфтина¹³. Эпохой средней бронзы датируется аналогичный бронзовый кинжальный клинок, найденный в Ликони (Грузия) в 1912 году¹⁴.

Тип рассматриваемого оружия не остался вне поля зрения и у А. Л. Лукина. В последней работе, посвященной эшерским находкам, он дает специальную таблицу, иллюстрирую-

¹⁰ В. В. Бжания. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 г. КСИА, М5, М., 1969, стр. 60, рис. 24, 38.

¹¹ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИМК, VIII, 1940, стр. 12.

¹² Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. ТАИЯЛИ, XXXI, Сухуми, 1960, стр. 75.

¹³ О. М. Джапаридзе. Дольменная культура... ТТГУ, 77, Тбилиси, 1959, стр. 92.

¹⁴ Т. Н. Чубинишвили. Археологические разведки в южных районах Грузии. СА, 4, 1957, стр. 123, 124, рис. 6, 1.

⁶ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, стр. 43, 58.

⁷ О. М. Джапаридзе. Дольменная культура... стр. 94, 110, рис. 11, 1.

⁸ Т. Г. Чубинишвили. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, стр. 167, табл. X, 15.

⁹ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободненской. М., 1963, стр. 73, табл. XII, 3.

щую эволюцию развития форм широкопластинчатых кинжалов, в которой интересующий нас тип кинжала уместается между кинжалом с лавролистной формой клинка эпохи ранней бронзы и пламевидным кинжалом позднебронзовой эпохи¹⁵.

Таким образом, из приведенных аналогий видно, что бесчеренковый бронзовый кинжал из эшерского кромлеха имел применение в эпоху средней бронзы; во всяком случае в более поздних слоях он еще не засвидетельствован.

Тип 2. Бронзовый кинжал с пламевидным клинком и тремя сквозными отверстиями для заклепок рукояти. Длина — 12,5 см, наибольшая ширина — 4 см (табл. XXVI, 1). Предмет найден вне кромлехов на глубине 65 см (квадрат 24), рядом с маленьким дольменообразным сооружением. Тип этих кинжалов имеет довольно широкое распространение. Например, в Абхазии он засвидетельствован в селах Анухва¹⁶, Хипста и в Агудзера¹⁷. Датируется он XI — VIII вв. до н. э.¹⁸ Вне Абхазии кинжалы 2-го типа были известны на Северном Кавказе также в эпоху поздней бронзы (XI — VIII вв. до н. э.)¹⁹.

Бронзовый стреловидный предмет с раздвоенным хвостом. Изготовлен из тонкого листа, несколько ассиметричен, с обломанным острием. Длина сохранившейся части — 8 см, наибольшая ширина — 3 см (табл. XXVI, 3), найден у основания внешней стенки третьего круга 2-го кромлеха, на глубине 62 см от современной поверхности. В литературе подобные изделия имеют название «абырзал» или «афырхы» — божья пуля или стрела²⁰.

Бронзовые наконечники стрел. Среди них хорошей отделкой отличается наконечник стрелы с отломанным черенком и двумя острыми слегка ассиметричными шипами (табл. XXVI, 4), он очень напоминает кремневый наконечник и стрелы из Очамчирского раннебронзового культурного слоя²¹ и из Диха Гудзуба²².

Нужно полагать, что эти стрелы относятся к рубежу

¹⁵ А. Л. Лукин. Эшерская находка. ТАИЯЛИ, XXVII, стр. 167, табл. I.

¹⁶ А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. ТОИПКГЭ, I, Л., 1941, стр. 79.

¹⁷ Там же, стр. 80.

¹⁸ Д. Л. Коридзе. К истории Колхидской культуры, I. Тбилиси, 1965, стр. 61.

¹⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 136 и след.

²⁰ Л. Х. Акаба. У истоков религии абхазов, рукопись, стр. 105.

²¹ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Сб. «Материалы по истории Абхазии», Сухуми, 1939, стр. 38, табл. IX, 3, 4.

²² Б. А. Куфтин. Материалы..., II, стр. 243, рис. 65, 4, табл. 64, 5.

II — I тыс. до н. э. Предложенная дата хорошо подтверждается раскопками Брильского могильника, где видно, что в погребениях середины второго тысячелетия до н. э. значительное место занимает кремневое оружие, а к началу первого тысячелетия уже появляются наконечники с т. н. пламевидными лезвиями²³.

Бронзовый наконечник стрелы с отломанным шипом, длинным черенком и со сквозным отверстием для подвески, происходящий из Азантаского дольмена²⁴, имеет много общего с нашей стрелой. Среди ближайших аналогов следует также назвать бронзовую стрелу VIII — VII вв. до н. э. из Кутанси²⁵. Следовательно, эта форма стрелы, возникшая где-то в эпоху энеолита, существовала вплоть до раннего железа и перешла от камня к металлу.

Железные изделия. Наконечники копий. По форме они делятся на три типа.

Тип 1. Копья лавролистной формы со слегка выступающим срединным ребром и расщепленной втулкой (табл. XXVIII, 4—5). Одно из них найдено в четвертом кругу второго кромлеха на глубине 40 см (квадрат 12); длина — 18,5 см, наибольшая ширина пера — 4,5 см, диаметр втулки около 2 см. Второй экземпляр найден на глубине 55 см юго-западнее четвертого круга первого кромлеха. При определении времени бытования этого типа копий нельзя не иметь в виду морфологически близкий железный наконечник из Куланурхва, отнесенный М. М. Трапш к VIII — VII вв. до н. э.²⁶ Как ему удалось установить, такие железные наконечники копий появились в Закавказье в начале первого тысячелетия до н. э. (Бешташени, Тейшебаини, Самтавро, Лелвар, Хрта-ноц). Встречаются они и на Северном Кавказе (ст. Пашковская, Нестеровский и Луговой могильники). Эти копья повторяют формы местных бронзовых наконечников²⁷.

Тип 2. (Табл. XXVIII, 3). Копье этого типа, в отличие от предыдущего, имеет несколько вытянутую форму с закругленным ребром, напоминающим железные наконечники копий

²³ Г. Ф. Гобеджишвили. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби, САИГ, XIII, 3; 1952, стр. 186.

²⁴ Б. А. Куфтин. Материалы..., II, стр. 17, рис. 5, табл. II, 8.

²⁵ Л. Сахарова. Керамика позднебронзовой и раннежелезной эпохи из окрестности Кутанси. Мачиз, 4, 1970, стр. 92.

²⁶ М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культуры в с. Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962, стр. 146, табл. XVI, 2.

²⁷ М. М. Трапш. Труды, I, стр. 131—132.

эпохи широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.) в Закавказье (Бешташени²⁸, Хртаноц²⁹).

Тип 3. Наконечник копья сильно вытянутой формы, с ромбовидным пером в сечении. При переходе к втулке образует прямой угол. Длина сохранившейся части — 37,5 см, наибольшая ширина пера у основания — 9,3 см, диаметр втулки в средней части — 2,8 см (табл. XXVII, 1). Найден на развалинах второго кромлеха. Подобные копья известны из хорошо датированных комплексов Цебельдинских могильников позднеантичной эпохи³⁰.

Железный наконечник посоха с круглой втулкой и сквозным отверстием для гвоздя (табл. XXVII, 6; XXVIII, 13). Нужно отметить, что этот наконечник наиболее характерен для Абхазии и широк его хронологический диапазон. Встречается начиная с памятников первого тысячелетия до н. э. вплоть до наших дней³¹.

Ножи. Всего в кромлехе засвидетельствовано пять экземпляров (табл. XXVIII, 6, 9). По форме они делятся на три типа.

Тип 1. Нож серповидной формы со сплошной изогнутой спинкой. Изношенная часть лезвия при переходе к черенку образует прямой угол. Длина — 8,7 см, наибольшая ширина — 1,8 см (табл. XXVIII, 7). Примерно такой же формы нож с отломанным черенком (табл. XXVIII, 8). Оба ножа характерны для местных типов древнеабхазских ножей³².

Тип 2. Ножи с прямыми спинками (табл. XXVIII, 6).

Тип 3. Нож-кинжал с изогнутой спинкой и расширяющимся книзу черенком (табл. XXVII, 12). Эта форма ножа хорошо была известна в Закавказье в эпоху раннего железа³³.

Среди железных предметов, вооружения, обнаруженных на кромлехе, особое место занимает трехперый наконечник стрелы с отломанным черенком (табл. XXVII, 18). Вещь найдена к западу от четвертого круга первого кромлеха на глубине 55 см от современной поверхности.

Насколько известно, стрелы подобного рода в Абхазии редкое явление. В научной литературе их называют стрелами сарматского типа³⁴. Они имеют широкое распространение по

²⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 48, рис. 46, 8.

²⁹ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 272, рис. 105, 2.

³⁰ Г. К. Шамба. Ахачхарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, стр. 41, табл. XIV, 8, 9, рис. 1.

³¹ Г. К. Шамба. Указ. соч., стр. 42, табл. XIV, 7.

³² Там же.

³³ М. М. Трапш. Памятники..., стр. 45, табл. X.

³⁴ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, стр. 70.

всему югу нашей страны. Считают, что трехперые железные черенковые стрелы появились в южном Поволжье на рубеже IV—III вв. до н. э.³⁵ В Северном Причерноморье они получили широкое распространение на рубеже н. э.³⁶

Самыми ближайшими аналогами эшерской стрелы можно считать танаисские экземпляры, выявленные в 1853 году А. Авдеевым в сарматских захоронениях 11, 14—15, 18; В. Г. Тизенгаузен, П. И. Хицуновым и Д. Б. Шеловым³⁷.

Такие стрелы засвидетельствованы и в Карачаево-Черкессии на разрушенном могильнике Терезе. Они опубликованы Е. Алексеевой, которая относит их к среднесарматскому периоду³⁸.

Украшения. Булавки. Бронзовая булавка с куполообразной ажурной полый головкой (табл. XXV, 17). На противоположных сторонах поверхности головки имеется 8 треугольных сквозных отверстий в виде окошечек. Игла булавки в верхней части округло-сомкнутая со сквозным отверстием, а под ним нанесены два поперечно-врезных пояска. Сохранность булавки хорошая. Общая длина около 14 см, диаметр головки — 2,5 см, высота треугольников одинакова — 1 см, основание — 0,6 см. Булавка происходит из центрального круга — юго-западной части первого кромлеха. Глубина залегания 60 сантиметров.

В специальной литературе неоднократно отмечалось, что подобные булавки, с т. н. треугольными окошечками, являются особенностью среднебронзовой эпохи дольменной культуры Абхазии³⁹. Они были найдены М. М. Иващенко в Кюр-Дере (Эшера) в дольмене № 1⁴⁰. Разница между дольменными булавками и из кромлеха состоит лишь в количественном соотношении окошечек⁴¹. Самую же ближайшую аналогию мы видим в украшении, происходящем из разрушенных ачандарских дольменов, отнесенных А. А. Лукиным ко времени второго этапа производственной стадии бронзовой эпохи⁴². К этой же бронзовой булавке из Ачандара вновь обра-

³⁵ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 432; И. В. Сяницын. Сарматская культура Нижнего Поволжья. СА, VIII, стр. 76, 92, рис. 35, 4.

³⁶ М. И. Вязмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповки. ВССА. М., 1954, стр. 226, табл. V, 7.

³⁷ Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 70, табл. XXXIV, 12; табл. XXXV, 11.

³⁸ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии. ТКЧНИИЯЛ, V. Ставрополь, 1966, стр. 140, 3.

³⁹ Археология Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 116.

⁴⁰ М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников..., стр. 18, рис. VII, 2, 7.

⁴¹ Там же.

⁴² А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, стр. 26.

щается и Б. И. Куфтин⁴³. Впоследствии при раскопках дольменов О. М. Джапаридзе удалось выявить такие же булавки⁴⁴. Интересно отметить, что эти булавки были найдены во втором культурном слое дольмена, который непосредственно предшествовал слою колхидской культуры⁴⁵. По наблюдению того же автора, бронзовые булавки, украшенные сквозными треугольниками, вообще чужды для западногрузинской бронзовой культуры и, по его мнению, характерны только для дольменной культуры Абхазии⁴⁶. Правда, подобные украшения встречаются и в Восточной Грузии, но это уже в эпоху поздней бронзы (треугольный окошечный орнамент повсеместно встречается также на навершиях кинжалов, мечей и т. д.)⁴⁷.

К числу украшений также следует отнести и навершие бронзового предмета (булавки) с сильно стилизованными двумя бараньими головками. О том, что рассматриваемый предмет в свое время служил навершием, свидетельствует сквозное вертикальное отверстие для надевания на стержень (табл. XXV, 4). Вещь происходит из центрального круга второго кромлеха. Аналогичный предмет известен из азантских дольменов (раскопки Б. А. Куфтина 1946 года). К сожалению, скудность описания азантского экземпляра не дает возможности судить, из какого дольмена или из какого горизонта он происходит. Но если находки, с которыми он опубликован, связаны с ним в комплексе, то рогообразный предмет с бараньими головками бытовал в эпоху, предшествующую колхидской культуре. Аналогичный предмет, увенчанный стилизованными бараньими головками, был обнаружен в одном из Эшерских дольменов и связан Б. А. Куфтиным с концом второй стадии бронзовой эпохи⁴⁸.

Из слоя «в» второго кромлеха в центральном круге была извлечена часть бронзового украшения со спиральным стержнем и головкой в виде нераскрытого бутончика. В середине стержня перпендикулярно насажена муфточка в виде перекладки со сквозным отверстием, служившим для продевания тонкой цепочки (табл. XXV, 2). В тех же нижних слоях второго кромлеха найдена грибообразная бронзовая жуковина с горизонтальным сквозным отверстием (табл. XXV, 11). Внутри жуковины содержится литейный шлак в виде обожженной глины. Впервые на особенность технологического

изготовления сердцевин подобных предметов обратил внимание А. Л. Лукин⁴⁹.

Впоследствии Б. А. Куфтин отмечал, что такая техника изготовления сердцевин бронзовых изделий, т. е. заполнение сердцевин легкой обожженной глиной или шлаком, не известна в других местах Кавказа и является своеобразием абхазской бронзы⁵⁰. Вторым экземпляром найден в центральном круге первого кромлеха (табл. XXV, 14).

Бронзовый якоревидный предмет с клинообразной вершиной стержня со сквозным отверстием в виде треугольника. Длина — 4 см, ширина дуги — 6,5 см (табл. XXVI, 8). Судя по имеющемуся стержневому отверстию, этот предмет, видимо, служил подвеской, являясь некогда частью какого-то парадного украшения. Вещь найдена в самом нижнем слое центрального круга первого кромлеха, на глубине 95 см. Насколько позволяет судить литература, такие украшения характерны только для Абхазии. Так, абсолютно такой же формы якоревидный предмет, найденный в с. Яштух в 1935 году, назван Б. А. Куфтиным бронзовой пряжкой⁵¹. Б. А. Куфтин при издании яштухского комплекса поместил ее в одну сводную таблицу с вещами, непосредственно предшествующими времени появления колхидско-кобанской культуры. Таковыми являются топоры с округлым и овальным отверстием обуха и обладающие чертами, присущими колхидско-кобанскому топору с клиновидным обухом, который рассматривается им в качестве прототипа кобанского топора второго типа по Уваровой⁵² и первого типа по О. М. Джапаридзе⁵³. Как известно, тип пиленковского топора, с которым публикует Б. А. Куфтин рассматриваемый якоревидный предмет, датируется XVI—XIV вв. до н. э.⁵⁴ Таким образом, предложенная датировка якоревидного украшения, позволяющая отнести его к предколхидской или среднебронзовой эпохе, не противоречит датировке Б. А. Куфтина.

Другой якоревидный бронзовый предмет был найден Л. Н. Соловьевым в дольмене № 1 в 1937 году. Он его называет бронзовой булавкой с большой головкой и относит к среднебронзовой эпохе (1700—1300 гг.)⁵⁵.

49 А. Л. Лукин. Материалы..., стр. 35—36.

50 Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, стр. 150—151.

51 Там же, I, стр. 229, рис. 48 а, 2.

52 П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, табл. VIII, 2.

53 О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, стр. 285.

54 Д. Коридзе. К истории Колхидской культуры, стр. 154, табл. V.

55 Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Труды ТАИЯЛИ, XXXI, стр. 77.

43 Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, стр. 208, рис. 57.

44 О. М. Джапаридзе. Дольменная культура..., стр. 91.

45 Там же, XXVIII, I, 8—9, 13.

46 Там же, стр. 89.

47 Археология Грузии, табл. XVIII, 4, 5, 7, табл. X, 2.

48 Б. А. Куфтин. К вопросу..., стр. 9—11.

По своей форме рассматриваемые якоревидные предметы, видимо, восходят к символическим знакам, характерным для раннего этапа куро-араксской культуры начала III тысячелетия до н. э. из Кюль-Тепе⁵⁶. К разновидности этого украшения относится другая бронзовая вещь из второго кромлеха, найденная на расстоянии 38 см от внутренней стенки четвертого круга, на глубине 63 см. На одной стороне нижней перекладки в ряд расположены семь пуговицевидных круглых выступов, а венец стержня, хотя частично обломан, но имеет отверстие с зооморфным, клювовидным навершием. Длина — 5,2 см, ширина основания — 4,2 см (табл. VIII, 13). Абсолютно такой же формы бронзовые украшения были извлечены М. М. Иващенко из эшерского дольмена № 1 вместе с множеством других бронзовых вещей, в том числе и с булавами куполообразной формы⁵⁷.

Украшениями служили также бронзовые трубочки-пронизы из спирально свернутых полос. Их два фрагмента. Первый состоит из 11 звеньев (табл. XXV, 1) и найден вместе с вышерассмотренным якоревидным предметом на глубине 63 см, второй из шести. Трубочки-пронизы не являются характерными только для кромлехов. Они были обнаружены в эшерских дольменах при раскопках Б. А. Куфтина⁵⁸ и О. М. Джапаридзе в слоях средней бронзы⁵⁹. Бронзовые спиралевидные трубочки-пронизы известны и в пещерных погребениях (Михайловская под Сухуми), отнесенных Л. Н. Соловьевым к ранней бронзе Абхазии⁶⁰. Видимо, они бытовали и в более поздние времена. Во всяком случае, близкие аналоги встречаются в Кулапурхвском могильнике (грунтовое погребение № 3), памятнике колхидской культуры VIII — VII вв. до н. э.⁶¹

Если рассмотренные бронзовые украшения преимущественно связываются с местной самобытной культурой Абхазии эпохи бронзы, то знакомство с другим видом украшения, с т. н. **молоточковидными булавами**, выводит нас далеко за пределы нашего края. Речь идет о своеобразной бронзовой булавке с двумя овальными ушками и круглым отверстием между ними, видимо, для продевания цепочки. Поверхность

ее отполирована до зеркального блеска. Булавка найдена вместе с бронзовой стрелой и двумя железными предметами (табл. XXVII, 7). Подобные булавы встречаются также на Красном Маяке, Гуад-Иху (окрестности Сухуми) и относятся к первой половине первого тысячелетия до н. э.⁶² Эти сухумские экземпляры орнаментированы S-образными рельефно выступающими знаками и снабжены короткими полыми стерженьками в виде трубочек, служивших, видимо, для насадки на деревянную или костяную ручку, тогда как отверстие эшерского экземпляра расположено в центре между ушками, т. е. перпендикулярно по отношению к вертикальной оси.

Подобные бронзовые молоточковидные булавы известны из Сачхере⁶³ (Западной Грузии) и хронологически относятся к ранней стадии бронзы⁶⁴. По своей конструкции сачхерский экземпляр больше напоминает находку из Нальчика⁶⁵, относящуюся ко второй стадии бронзовой эпохи. По мнению некоторых исследователей, прототипами интересующих нас булавок являлись западногрузинские формы (имеется в виду сачхерский экземпляр). Этот факт объясняют тем, что в Грузии рано был освоен металл⁶⁶. Такого мнения придерживаются и составители учебника по археологии Грузии⁶⁷. Сопоставление абхазских молоточковидных булавок с булавами из Сачхера и Нальчика показывает, что, несмотря на однотипность, между ними есть существенное различие. Так, сачхерская и нальчикская булавы очень массивны, достигают до 40 см в длину⁶⁸. Кроме того, у них молоточки дисковидной формы, что дало основание Б. А. Куфтину видеть в них схематическое изображение двухколесной арбы⁶⁹, а между тем на абхазских булавах ушки-молоточки имеют форму вытянутого овала, что их сближает вообще с прототипами молоточковидных булавок из кости — типичных изделий племен катакомбной культуры рубежа III — II тысячелетия до н. э.

⁶² Раскопки М. М. Трапша, 1958 г., Красный Маяк, раскоп VI, погребение 64 (94); Гуад-Иху, погребение 29 (65), материалы ныне хранятся в фондах Абхазского института. См. так же: М. М. Трапш. Труды, 2. Сухуми, 1969, стр. 204, табл. XXVII, 3.

⁶³ Е. С. Такаишвили. О Сачхерском кургане Шоропанского уезда. Изв. Кавказского отделения Московского археологического общества, III. Тифлис, 1913, стр. 71.

⁶⁴ Археология Грузии, стр. 97 и сл. табл. IX, 1. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триаleti, 1941, стр. 14, 1—2.

⁶⁵ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, III, стр. 249, 253, рис. 28, II; рис. 34, 4.

⁶⁶ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, стр. 95.

⁶⁷ Археология Грузии, стр. 101.

⁶⁸ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 95.

⁶⁹ Археология Грузии, стр. 101.

⁵⁶ Т. Чубинишвили. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, стр. 169, табл. XXVI, 21.

⁵⁷ М. М. Иващенко. Исследование..., стр. 21, рис. VII, 14; стр. 26, рис. X, 12; Б. А. Куфтин. Материалы..., I, табл. XXVIII, 19.

⁵⁸ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии..., I, табл. 3—4.

⁵⁹ О. М. Джапаридзе. Дольменная культура..., стр. 107.

⁶⁰ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры..., стр. 84, рис. 2, 4, 5, стр. 88.

⁶¹ М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культуры, стр. 77, табл. XXII, рис. 3.

летия до н. э.⁷⁰ Как показывает Т. Б. Попова в своем монографическом исследовании, посвященном племенам катакомбной культуры, эти изделия были распространены на Днепре, в Приазовье, на Северном Донце и на Дону. Костяные молоточковидные булавки встречались и на Северном Кавказе, но в меньшем количестве. Считают, что костяные молоточковидные булавки являются прототипом бронзовых булавок, широко известных на всем Северном Кавказе в более поздних комплексах. Так, например, на Северном Кавказе в селе Летницком найдена молоточковидная костяная булавка вместе с такой же бронзовой⁷¹⁻⁷². Учитывая абхазский материал, можно предположить, что этот своеобразный вид украшения, возникший в среде катакомбной культуры, на заре палеометалла, дольше всего сохранился в Абхазии среди племен, оставивших нам эшерские кромлехи и могильники на Красном Маяке и Гуад-Иху. Из заключения о том, что булавки такого типа в следующие археологические периоды (т. е. после ранней бронзы) у нас почти или вовсе не встречаются⁷³, видимо, нуждается в уточнении. Как показывает эшерский материал, они не исчезают, а продолжают бытовать и развиваться. Ими украшались костюмы еще в предантичный период (возможно, и позже), поразительно напоминая по своей конфигурации костяные молоточковидные булавки из ранних погребений катакомбной культуры⁷⁴.

К бронзовым украшениям относится большое количество подвесок или височных колец (как принято их называть, подвески в полтора оборота). В зависимости от формы кольца они делятся на два типа: круглые и овальные.

Тип 1. Подвески круглой формы. Две из них (табл. XXV, 7—8) изготовлены из круглой проволоки, а проволока третьей (табл. XXV, 6) в сечении дает прямоугольную форму. Они найдены в четвертом круге первого кромлеха на расстоянии 150 см друг от друга на глубине 55—61 см. Диаметр их кольца около 2 см, диаметр проволоочного сечения — 0,4—0,5 см.

Эти украшения также широко распространены во многих частях древнего мира. Одни называют их височными толстопроволочными привесками⁷⁵, другие височными коль-

цами⁷⁶, а также височными завитками, одеваемыми, видимо, на косы⁷⁷. Часто их находили у висков покойника⁷⁸. И. И. Крупнов в одной из своих работ специально останавливался на характеристике височных колец и отмечал, что круглые подвески более ранние, чем овальные и что последние бытуют «до первых столетий I тысячелетия до н. э.»⁷⁹. Того же мнения придерживается и В. И. Марковин, посвятивший специальное исследование культуре племен Северного Кавказа эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.). Он приходит к выводу, что височные кольца в полтора оборота известны с древнейших времен на всей территории северокавказской культуры в течение первого и второго этапов ее развития (т. е. первой половины II тысячелетия до н. э.)⁸⁰. Абсолютно такой же круглой формы височное кольцо в Абхазии нам известно из азантских дольменов⁸¹. Морфологически очень близко к бронзовое украшение из Прикубанья (курган в поселке Праздничный), относящееся к переходному периоду от раннего этапа северокавказской культуры ко второму этапу ее развития, т. е. времени расцвета⁸².

Ко второму этапу бронзы относятся такие же круглые височные кольца из Кисловодска (коллекция Филипова)⁸³, из Осетинской слободки под г. Орджоникидзе (по Б. Е. Дегену)⁸⁴, Кабардино-Балкарии (с. Верхний Акбаш, курган № 1)⁸⁵, Чечено-Ингушетии на могильнике Гатым-Кале в селе Асланбек-Шерипова⁸⁶. По своей форме эшерские круглопроволочные височные кольца несколько напоминают фрагментированные кольца из Новослободненского дольмена, относящиеся к рубежу III—II тысячелетия до н. э.⁸⁷⁻⁸⁸

Многочисленными раскопками на Северном Кавказе устанавливается, что круглые височные кольца встречаются исключительно в памятниках I—II этапов эпохи бронзы. Первый тип круглых височных колец в Закавказье известен в

76 В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 97, 102.

77 Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 94.

78 Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 44.

79 Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 48.

80 В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 97.

81 О. М. Джапаридзе. Дольменная культура..., стр. 101, 121, рис. 31.

82 В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 33—34, рис. 5, 8.

83 В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 38, рис. 39.

84 Там же, стр. 44, 45, рис. 50.

85 Там же, стр. 59—60, рис. 24, 2.

86 Там же, стр. 62—65, рис. 27, 13.

87-88 А. И. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов. САХ II, стр. 198.

Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новослободненской. М., 1963, стр. 41, 47, 53, табл. II.

70 Всемирная история, I. Москва, 1956, стр. 246.

71 Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1953, стр. 120.

72 В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 95.

73 Археология Грузии, стр. 101.

74 Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 128, табл. V, 2 и след.

75 Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, стр. 48.

Сачхерском погребении⁸⁹ ранней поры бронзы⁹⁰, а затем он входит в погребальный комплекс середины второго тысячелетия до н. э. в Триалети⁹¹. По мнению Б. А. Куфтина, золотые височные завитки близко соответствуют завиткам из царских погребений в Аладжа-Эйюк и являются также блестящим развитием шумерских золотых завитков из «царских» погребений в Уре 27—26 вв. до н. э.⁹² Если происхождение триалетских височных колец увязывается Б. А. Куфтиным с культурными центрами передовых стран Ближнего Востока, то происхождение височных колец, встречающихся в катакомбной культуре, по мнению Т. Б. Поповой, должны были попасть туда с Кавказа⁹³.

Тип 2. Височные кольца овальной формы.

По мнению многих специалистов, овально-височные кольца более позднего происхождения, чем круглые, и характерны для третьего этапа бронзы, что соответствует хронологически концу II и началу I тысячелетия до н. э.⁹⁴ Но в условиях Абхазии бронзовые украшения круглой и овальной формы продолжали встречаться и в первой половине I тысячелетия до н. э.⁹⁵ По своей величине эшерские височные привески второго типа различные и колеблются от 0,8 x 1 см, до 2,5 x 3,5 см при толщине от 0,2 x 0,5 см (табл. XXV, 9—10).

Височные кольца второго типа встречаются также в дольменах⁹⁶, и некоторых пещерных погребениях Абхазии⁹⁷. Они были известны еще А. Л. Лукину и отнесены им к второму этапу бронзы или начальному периоду III этапа. По его мнению, эти кольца являются особенностью дольменной культуры⁹⁸, хотя, как видно теперь, они встречаются и в кромлехах Абхазии, и в Северо-Кавказских могильниках

⁸⁹ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры, стр. 9, 2—3.

⁹⁰ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 50—51.

⁹¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 94—95. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, табл. 3.

⁹² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, там же.

⁹³ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 102—103.

⁹⁴ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, стр. 111.

⁹⁵ М. М. Трапш. Труды, 2, стр. 113, табл. 9, 8, стр. 119, табл. 1, 9; стр. 122; табл. XI, 9—10.

⁹⁶ М. М. Ивашенко. Указ. соч., стр. 26, рис. X, 10—11. Б. А. Куфтин. Материалы, 1, табл. XXVIII, 4—5, 17, табл. XXX, 4, 7. О. М. Джапаридзе. Дольменная культура, стр. 106, рис. 5.

⁹⁷ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры, стр. 84, рис. 2, 1, рис. 3, 2.

⁹⁸ А. Л. Лукин. Материалы, стр. 27, табл. 1, 2.

II тысячелетия до н. э. (Мешоко⁹⁹, Верхняя Рутха¹⁰⁰, Чми¹⁰¹, Кумбулта¹⁰², Андриюковском могильнике¹⁰³, Чечне-Ингушети¹⁰⁴).

Эти кольца встречались также в среде носителей катакомбной культуры¹⁰⁵ и у племени Верхнего и Среднего Приднепровья эпохи бронзы¹⁰⁶.

Помимо бронзовых подвесок в полтора оборота двух типов, в эшерских кромлехах найдено еще три бронзовых колечка. Одно овальной треугольной формы, в сечении с голубой патиной на поверхности, происходящее из четвертого круга первого кромлеха, другое — из листовой бронзы с заостренными, слегка заходящими друг на друга концами (табл. XXV, 26), найдено в третьем кругу первого кромлеха. И, наконец, третье — тонкопроволочное бронзовое колечко с соприкасающимися концами происходит с поверхности кромлеха (табл. XXV, 18).

Браслеты. Четыре миниатюрных круглопроволочных браслета имеют широко заходящие друг за друга резко обрубленные концы. Два из них абсолютно одинаковы и можно сказать, что изготовлены из одного прута (табл. XXV, 31—32). Найдены они в восточной части между кромлехами на глубине 60—65 см; размеры: диаметр кольца — 4,2 x 4,3 см; диаметр проволочного сечения — 0,3—0,4 см. Более массивен четвертый экземпляр, диаметр его 5 см; диаметр проволочного сечения — 0,6 см (табл. XXV, 30). Оригинален по форме ленточный браслет, слегка уширенный с отвернутыми наружу концами, как это бывает на шейных гривнах¹⁰⁷. Вдоль всей поверхности браслета проходит два желобка (табл. XXV, 29).

Известен лишь один экземпляр, изготовленный по такому принципу, найденный еще в 1910 году на Бамборской поляне¹⁰⁸. Правда, последний отличается от эшерского своей орнаментацией: поверхность его покрыта косой штриховкой,

⁹⁹ Материалы по археологии Адыгеи, II. Майкоп, 1961, стр. 80, рис. 6, 3.

¹⁰⁰ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии, стр. 58. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 235, рис. 35, 460, 464.

¹⁰¹ П. С. Уварова. МАК, VIII, табл. VI, 14.

¹⁰² Там же, табл. XXXIX, 10—15.

¹⁰³ Там же, стр. 38, рис. 9.

¹⁰⁴ Там же, стр. 82, рис. 38—35, табл. 1, 5. В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 64, рис. 28, 5—7.

¹⁰⁵ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 45, рис. 7, 1.

¹⁰⁶ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Приднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, стр. 36, рис. 25, 8—9; стр. 130, рис. 77.

¹⁰⁷ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120. М., 1935, стр. 158, рис. 26, 2.

¹⁰⁸ А. Л. Лукин. Указ. соч., стр. 66—67, рис. 7, 1.

тремя продольными полосками с елочным орнаментом на концах. Эшерский же браслет состоит из трех частей. Он найден в центральном круге первого кромлеха на глубине 72 см. Бляшки-пуговицы с дугообразными петлями внутри. Одна из них (табл. XXV, 13) имеет конусовидный выступ и края, орнаментированные косыми насечками, имитирующими шнур. Найдена в третьем круге первого кромлеха на глубине 80 см. Диаметр бляшки — 3,2 см, высота с петлей — 1,5 см. Очень близка эта находка с Куланурхвской из погребения № 1 эпохи колхидской культуры¹⁰⁹. Одна такая крупная выпуклая бляха с петлей на внутренней стороне была найдена в Лечхуми (село Сурмуши) в 1923 году. Она входила в комплекс с бронзовым топором кобанского типа. А. А. Иессен этот комплекс относит к памятникам VIII — VII вв. до н. э.¹¹⁰ Другая пуговица-бляшка — умбоновидная (табл. XXV, 12), происходит из четвертого круга второго кромлеха (глубина залегания 63 см). Аналогичная бляшка была раскопана нами в том же селе Эшера в 1968 году в погребении рубежа IV — III вв. до н. э. Последняя найдена у покойника в области живота, что должно говорить о функциональном назначении предмета: в свое время она являлась частью украшения ремня. При характеристике инвентаря этого погребения отмечалось, что хотя могила относится к рубежу IV — III вв. до н. э., некоторые металлические вещи, найденные там, более раннего происхождения¹¹¹.

Бронзовый пинцет, изготовленный из одной согнутой пластинки со сплюснутыми весловидными концами, без орнамента. Поверхность покрыта зеленой патиной. Одна сторона изогнута от удара. Пинцет целый.

Интересно отметить, что рассматриваемый медицинский инструмент найден примерно на одном уровне с пламевидным кинжалом позднебронзовой эпохи. Размеры пинцета: длина — 9,2 см, наибольшая ширина — 1,5 см (табл. XXVI, 5). Среди более или менее датированных бронзовых пинцетов следует назвать инструмент из Куланурхвского могильника (погребение № 11), отнесенного М. М. Трапшем к VIII — VII вв. до н. э.¹¹² Разница между ними состоит лишь в форме изготовления концов: если рабочая часть пинцета

¹⁰⁹ М. М. Трапш. Памятники..., стр. 65—66, рис. 13.

¹¹⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII. М., 1953, стр. 64—65, рис. 8, 2. См. так же: О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII. М., 1953, стр. 286, рис. 2.

¹¹¹ Г. К. Шамба. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. Известия, I. Сухуми, 1972, стр. 98—113.

¹¹² М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 75, табл. XIX. 3; табл. X. 1.

из эшерского кромлеха сильно сплюснута и соединение обоих концов еле заметно, то на куланурхвском экземпляре они менее расширены и имеют резко выступающую когтевидную форму. Известно еще несколько бронзовых пинцетов из того же села Эшера. Один из них найден вместе с бронзовым топором колхидского типа¹¹³. Другой — вместе с типичными позднеколхидскими бронзовыми предметами (хранятся в Абхазском институте).

Бронзовый пинцет с более расширенными концами или т. н. «широколопастный» засвидетельствован в селе Агудзера южнее Сухуми¹¹⁴. У различных авторов они называются по-разному. Так, П. С. Уварова называла их «щипчиками» и очень сомневалась, что их можно отнести к кобанской эпохе¹¹⁵.

Бронзовый пинцет эшерского типа встречается и в Восточной Грузии в Самтавро, в самой богатой могиле (№ 591) конца второго тысячелетия до н. э.¹¹⁶ По определению Р. Абрамишвили, этот погребальный комплекс относится к XIII — XII вв. до н. э.¹¹⁷ Тут же следует отметить, что почти такой же формы бронзовый пинцет, найденный в том же Самтаврском могильнике в погребении № 83, относят к IX — VIII вв. до н. э. Поэтому прав был М. М. Трапш, отметивший, что пинцеты являлись чрезвычайно широко распространенной принадлежностью туалета; существовали в продолжение ряда тысячелетий, с эпохи бронзы и до настоящего времени в одной и той же форме в Европе, Передней Азии и на Кавказе¹¹⁸.

Б. А. Куфтин подробно остановился на характеристике пинцетов вообще и, в частности, отмечает, что наиболее древний экземпляр был известен еще в царских могилах Ура рубежа IV — III тысячелетий до н. э. Пинцеты, выполненные из одного куска, были известны в Египетской и Эгейской культуре, проникнув несколько позднее и в южную Месопотамию¹¹⁹.

По мнению Ф. Байерна, обнаруженные им пинцеты в Самтаврском могильнике должны были служить в качестве

¹¹³ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, стр. 152—153, табл. XIII, 10.

¹¹⁴ Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 148, рис. 27, и. А. Л. Лукин. Эшерская находка, табл. II, 2.

¹¹⁵ П. С. Уварова. Указ. соч., стр. 82.

¹¹⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 70, рис. 74-а. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, табл. 5.

¹¹⁷ Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. ТГМГ, XIX-A и XXI-B. Тбилиси, 1957, стр. 136, табл. 1.

¹¹⁸ М. М. Трапш. Труды, I, стр. 161.

¹¹⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки..., стр. 152—153.

хирургического инструмента¹²⁰. Подобные пинцеты часто находились и в синхронных могильниках Закавказья (Калакент, Джеваншир, Севан). Они встречались и в мужских погребениях, служа, вероятно, для выщипывания волос¹²¹.

Бронзовый гребень литой, с антенновидным основанием, фрагментирован. В середине он имел круглое отверстие (диаметр 0,8 см), по бокам от него две симметричные дырочки (диаметр 0,5 см). Судя по остаткам зубцов, первоначально их должно было быть не менее 13. Ширина гребня около 8 см, максимальная высота вместе с ножкой основанием — 5,5 см (табл. XXVI, 6). Вещь найдена в центральном кругу первого кромлеха, в верхнем нарушенном слое на глубине 48 см. О том, что рассматриваемый гребень, уже когда он попал в могилу, имел всего-навсего символическое значение, говорит степень его сохранности: даже на поверхности излома успела образоваться зеленая патина. Находки гребней, в частности, бронзовых, редкое явление в Абхазии. Нам известен лишь один подобный предмет из Куланурхвского могильника VIII—VI вв. до н. э., но он меньше по размеру и имеет иное оформление (на ножке отсутствуют два боковых отверстия, и концы оформлены двумя схематически изображенными миниатюрными топорами)¹²². Известный нам следующий бронзовый гребень, морфологически напоминающий эшерский экземпляр, связан с инвентарем могильника Маралын-Дереси (погребение № 4), отнесенный Б. А. Куфтиным к Ванской эпохе¹²³.

Пряжка. Пластинчатая бронзовая поясная пряжка, с крючком на внутренней стороне и шестью сквозными отверстиями на противоположном конце для продевания цепочек. Литые продольные стороны ее имеют еле заметную вогнутость внутрь. Лицевая сторона украшена густым сетчатым орнаментом в виде пояса, а середина заполнена треугольными зубцами, выполненными гравировкой. Длина — 7,1 см, ширина по бокам — 2,2 см, а в середине 1,9 см, при толщине 0,2 см (табл. XXVI, 12). Конец одной стороны пряжки слегка отбит. Вещь найдена в четвертом кругу первого кромлеха на глубине 79 см.

Ближайшую аналогию эшерской пряжке можно найти в археологическом комплексе могильника Верхняя Рутха (комплекс 20), отнесенного Е. И. Крупновым ко второму

этапу кобанской культуры, к концу VIII в. до н. э.¹²⁴ По его словам, пряжки того же времени уже делаются меньших размеров¹²⁵. Началом первого тысячелетия до н. э. датируется археологический комплекс из Брильского могильника, куда входит бронзовая пряжка прямоугольной формы¹²⁶. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, подобные бронзовые пряжки характерны для носителей кобанской культуры¹²⁷. Известны они и в Армении¹²⁸. Как правило, все они литые и имеют на средней оборотной стороне острый крючок.

Далее следует отметить два ажурно выполненных бронзовых обломка с тесненными солярными кружочками (табл. XXVI, 9). Поверхности отполированы. Они являются частью какого-то украшения, напоминающего бронзовую подвеску в виде летящей птицы на ажурной ленте из культовогоклада Бамборской поляны, отнесенную Б. А. Куфтиным к послекобанской или предантичной эпохе¹²⁹.

На выбросе кромлеха был найден также бронзовый завиток, видимо, от головки булавки, очень напоминающий булавку из двух плоских, симметрично обращенных наружу спиральных завитков из Бамборской поляны, отнесенную А. Л. Лукиным ко второму этапу бронзового века¹³⁰.

Бусы из бронзы, сердолика и стекла.

Бронзовые бусы по своей форме делятся на пять типов.

Тип 1. Большие бусы бочонкообразной формы с бородавками-наростами и концентрическими надрезами на концах (табл. XXV, 33—34; табл. XXV, а, 1). Внутри содержат красно-коричневую или черную густую массу, на что уже в свое время обращал внимание А. Л. Лукин при рассмотрении бронзовых бус из Бзыбской Абхазии¹³¹. Размеры и формы этих бус довольно стабильны: в длину они достигают 3—3,5 см, наименьшая ширина их на концах 0,6—0,7 см, наибольшая толщина в середине вместе с бородавками около 2 см; 9 экземпляров целых и 6 фрагментированных. Связаны они с захоронением в центральном круге.

Бусы рассматриваемого типа представлены в основном в слое «в». Вряд ли это обстоятельство следует считать слу-

¹²⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 238.

¹²⁵ Там же, стр. 467, табл. V, 1; стр. 136.

¹²⁶ Г. Ф. Гобеджишвили. Указ. соч., стр. 98, табл. X, 1.

¹²⁷ П. С. Уварова. Указ. соч., МАК, VIII, стр. 39—50.

¹²⁸ Жак де Морган. Доисторическое человечество. М., I, 1926, стр. 134, рис. 66, 33.

¹²⁹ Б. А. Куфтин. Материалы., I, стр. 236—240. А. Л. Лукин. Материалы., стр. 63, табл. XVIII, 4—5, рис. 53, табл. 5.

¹³⁰ А. Л. Лукин. Указ. соч., стр. 27, табл. II, 5.

¹³¹ Там же.

¹²⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки., стр. 152—153.

¹²¹ Там же.

¹²² М. М. Трапш. Памятники., стр. 75, табл. XXIV, 2.

¹²³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 50—52, рис. 50, 4, табл. XXIII.

чайным. Здесь мы имеем дело с определенным, мало нарушенным культурным горизонтом, чего нельзя сказать по отношению вышележащих слоев «а» и «б». Есть все основания утверждать, что интересующий слой «в» предшествует слою позднебронзовой эпохи. Это положение подтверждается и тем, что бусы рассматриваемого типа ни разу еще не были засвидетельствованы в памятниках поздней бронзы и раннего железа. Наоборот, насколько позволяют судить материалы, они характерны только для средней бронзы Абхазии. Эти бусы известны из соответствующих слоев третьего¹³², пятого¹³³, первого¹³⁴ дольменов Эшера. О. М. Джапаридзе считает, что бусы первого типа встречаются и в позднебронзовых памятниках Абхазии¹³⁵. Наши наблюдения над материалами из Агста, Эшера, Куланурхва не подтвердили этого. Иными словами, интересующий нас тип больших бочонкообразных бус так же, как и булавки с куполообразными головками, в основном характерны для первой половины II тысячелетия до н. э.

Тип 2. Есть другая категория бронзовых бус — тоже бочонкообразной формы, но уже меньших размеров и без боковых, со слегка заметным поперечным ребром, 5 экз. (табл. XXV, 41). Встречаются они как в оставшемся центральном круге второго кромлеха, так и между кругами. Нужно полагать, что эти бусы по условиям залегания бытуют начиная с нижнего второго слоя дольменной культуры, относящегося к средней бронзе¹³⁶.

Тип 3. Бусы предыдущего типа, но в отличие от них не имеют поперечного ребра.

Тип 4. Асимметрично плоские бусины со сквозными крестовидными отверстиями на краях, напоминающие каменную бусину из Бамборской поляны¹³⁷ (табл. XXV, 39). Все четыре типа бус характерны для местной бронзолитейной техники.

Тип 5 — многосегментные бусы в виде неразделенного столбца (табл. XXV, 47). Найдены на центральной площади первого кромлеха на глубине 75 — 80 см от современной поверхности. Как известно, в основе происхождения многосегментных бус лежат фаянсовые изделия Месопотамии и Египта эпохи Древнего царства (особенно в период VI династии), откуда они через Эгейский мир проникали и в дру-

гие Западно-Европейские страны, где в подражание эгейским фаянсовым изделиям их изготовляли из олова¹³⁸.

Среди бронзовых изделий имеется еще один предмет с гирковидной головкой и сквозным отверстием на противоположном конце (табл. XXVI, 5а). Находка является частью какого-то недошедшего до нас изделия (привеска от серьги?), найденного в квадрате 27, на глубине 84 см, длина 5,8 см, диаметр сквозного отверстия 0,5 см.

Украшения из железа. Сюда относятся: часть украшения в виде колечка (табл. XXVII, 16), сплюснутая шейная гривна, миниатюрный круглопроволочный браслет.

Следует отметить булавку с валютообразной головкой — в виде спирали с круглопроволочным стержнем (табл. XXVIII, 14). Найдена она в 40 м к юго-востоку от кромлеха № 1. Особенность этой находки состоит в том, что до сих пор подобные изделия были известны еще на заре палеометалла среди земледельческих культур юга Кавказа, где они символизировали головы баранов¹³⁹.

То же самое можно сказать и об одночленной железной фибуле с лучковидной дужкой, обмотанной тонкой проволокой, придающей ей форму пиявки (табл. XXVII, 15). У фибулы отломана игла и приемник. Как известно, такие одночленные фибулы характерны для эпохи раннего железа и являются повторением форм бронзовых фибул. Хотя эта фибула относится к ранним типам, она напоминает фибулу Лугового могильника¹⁴⁰. Морфологически она также близка фибуле раннежелезного века из Тлийского могильника (погребение 143)¹⁴¹.

Изделия из сердолика. Бусы. Сердоликовая бусина усеченной биконической формы красно-оранжевого цвета, с хорошо отполированной поверхностью, выполненная техникой двустороннего сверления. Найдена в единственном экземпляре на центральной площади первого кромлеха на глубине 69 см (табл. XXV, 36). Форма этой бусины с точностью повторяет местные бронзовые биконические бусины поздней бронзы и раннего железа¹⁴².

Среди сердоликовых бусин самыми многочисленными являются шаровидные с двусторонним сверлением. Цвет се-

¹³⁸ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 266 — 267.

¹³⁹ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа, I, 1970, стр. 119, рис. 43, 1.

¹⁴⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1959, стр. 489, табл. XX, 1.

¹⁴¹ Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1966 г. СА, 4, 1970, стр. 106, рис. 10, 8.

¹⁴² Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 168, табл. XVI, 5.

¹³² М. М. Иващенко. Указ. соч., стр. 25, рис. X, 13.

¹³³ Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 270, табл. XXX, 9.

¹³⁴ О. М. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 91.

¹³⁵ Там же, стр. 123, рис. 33.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ А. Л. Лукин. Указ. соч., стр. 27, табл. I, 3.

рый, желтый; коричневый. Поверхность отполирована. Размеры от 0,5 х до 1 см (табл. XXV а, 2): Они широко представлены в могильниках поздней бронзы Абхазии (Агста¹⁴³, Эшера¹⁴⁴).

Изделия из стеклянной пасты. Бусы. По форме они круглые и цилиндрические, размеры — 0,2 х 0,4 см (9 экз.). Встречаются на различных глубинах, главным образом в центре кромлеха. Цвет коричнево-красный. Абсолютно такой же формы бусы из стеклянной пасты выявлены были в свое время во втором эшерском дольмене¹⁴⁵, а также в Костромском кургане Прикубанья¹⁴⁶. Они хорошо известны и в памятниках Волго-Манычского варианта катакомбной культуры и среди памятников куро-араксской культуры¹⁴⁷.

Таков перечень находок, полученных во время раскопок эшерских кромлехов. Как видно, они охватывают большой диапазон времени — бронзу и век раннего железа включительно. Это дает возможность высказать некоторые соображения относительно рассматриваемых памятников.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ЭШЕРСКИХ КРОМЛЕХОВ

Эшерские каменные сооружения, как было отмечено, относятся к числу разновидностей памятников мегалитической культуры — кромлехам. Слово мегалит впервые введено в науку французским ученым Рене Галлем в 1863 году (мега — по-гречески — большой, литос — камень). Это понятие объединяет несколько видов древнекаменных сооружений: дольмены (дол — стол, мен — камень), менгиры (мен — камень, гир — длинный) и кромлехи (кром — круг, лех — камень). Все слова бретонского (Северная Франция) происхождения — по месту первоначального открытия¹.

Мегалиты представлены почти во всех частях земного шара, в том числе и у нас на Кавказе. По мнению некоторых ученых, они являлись ранней формой увековечения важных событий, возникших на исходе каменного века². Появление мегалитов увязывается с анимистической психологией древних людей с оживотворением неодушевленной природы, приводящей в конечном итоге к созданию культа камней. Согласно Л. Я. Штернбергу, причиной создания культа таких объектов, как бездушные неподвижные камни, являются те свойства камней, которые вызвали особенное к ним отношение первобытного человека. Примитивный человек замечал, что по сравнению с другими объектами природы камень обладает большей твердостью, устойчивостью. Эти качества не могли не привести его представление к идее о вечности камня. В древности о камне сложилось мнение, что это таинственное существо, обладающее, в силу своей долговечности, особым разумом. Эта идея настолько глубоко укоренилась в сознании людей, что даже в эпоху наивысшего расцвета греческой культуры — в эпоху эллинизма греки, проходя по

¹⁴³ А. Л. Лукин. Материалы..., стр. 34, табл. V, 2.

¹⁴⁴ Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 155, табл. XVII, 1.

¹⁴⁵ Там же, стр. 296, рис. 64.

¹⁴⁶ Т. В. Попова. Дольмены станицы Новосвободной, табл. 23.

¹⁴⁷ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 49.

¹ А. Н. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 57—58.
В. И. Равдоникас. История первобытного общества, II. Л., 9, 1947, стр. 176—182.

Всеобщая история искусства, I. М., 1956, стр. 466.

Архитектура, I. М., 1967, стр. 18.

² С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 230.

улице мимо стоявших там у мащенных маслом камней, вынимали свои сосуды и делали возлияние. При этом к ним обращались с просьбами, мольбами, речами о помощи, как к настоящему божеству³. Мегалитические сооружения разбросаны в различных уголках земного шара — от Атлантики до Тихого океана и от Скандинавии до южной Африки⁴.

В нашей стране кромлехи обнаружены в Азербайджане⁵, Армении⁶, Грузии⁷, Южной Осетии⁸, Дагестане⁹, Чечено-Ингушетии¹⁰. Обычай сооружать могилы, огороженные каменными кольцами, прослежен и в знаменитом Майкопском кургане¹¹ и некоторых других районах северо-западного Кавказа¹². Кромлехи и кромлехообразные сооружения выявлены в северном Причерноморье¹³ и на Украине¹⁴.

Существует несколько предположений о назначении кромлехов. По наиболее вероятной теории, кромлехи — ритуальные сооружения, служившие для погребений и религиозных церемоний. Согласно одной из теорий, кромлехи связаны с солнечным культом и служили храмами солнца. Так, например, исследователями английского кромлеха Стоунхенджа сделано наблюдение, что приносивший жертву у алтаря 21 июня, в день летнего солнцестояния, должен был видеть утром солнце, встающее над менгиром, который стоит отдельно, вне круга. Это показывает, что жертвоприношения,

³ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 378—379.

Всемирная история, I. М., 1956, стр. 466, 469.

⁴ А. Алим. Доисторическая Африка. М., 1960, стр. 441.

⁵ А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 124.

⁶ И. И. Мещанинов. Кромлехи. ИГАИМК, т. VI, вып. III. Л., № 9, 1930, стр. 9.

А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 92.

⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тб., 1941, стр. 343, табл. IV. О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети. Тб., 1969, стр. 63, рис. 38. Н. Н. Тушишвили. Маднисчальский могильник. Тб., 1972.

⁸ Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тб., 1971, стр. 135 и след.

⁹ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 34—35.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 249.

¹¹ Очерки истории Адыгей, I. Майкоп, 1957, стр. 18. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967, стр. 22.

¹² Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены. МАК. IX. М., 1904, стр. 46—47, рис. 26.

¹³ О. Д. Дашевская. Курганы эпохи бронзы у с. Попова. Близ Евпатории. КСИИ, 115, М., 1969, стр. 62—69.

¹⁴ С. Н. Бибииков. К 50-летию археологической науки на Украине. СА, 4, 1967, стр. 53, рис. 4.

совершавшиеся в Стоунхендже, имели прямое отношение к культу солнца¹⁵. О том, что эти памятники-кромлехи являются своеобразным выражением солнечного культа на земле, указывал один из первых исследователей кавказских кромлехов академик И. И. Мещанинов¹⁶.

Г. Обермаер еще в начале нашего столетия писал, что кромлехи представляли собой святилища-храмы, где исполняли свои обязанности жрецы, куда стекались во времена религиозных празднеств жители окрестности, подобно тому как магометане со своими покойниками совершают паломничество в священную Мекку¹⁷.

Обычно кромлехи отличаются геометрической правильностью построения. И не случайно, что ряд авторов называют наиболее выдающиеся кромлехи первыми театрами в истории человечества. Безусловно, кромлехи так же, как и все мегалитические сооружения, связаны с выдающимися монументальными зданиями, которые развивают и разрабатывают архитектурные идеи.

В кромлехах вообще, и в частности в Стоунхендже, некоторые авторы имеют основание видеть сооружение, в котором техническая задача получила определенное эстетическое воплощение, свидетельствующее о чувстве пространства, ритма, пропорций, масштаба и формы у строителей¹⁸. Например, по мнению Н. И. Брунова, «греческий театр с его круглой серединой орхестрой, алтарем на ней и кольцом окружающих ее зрителей развивает дальше идею, в зародыше содержащуюся в Стоунхендже». Назначение их действительно могло быть разным. Но при всем этом они остаются ритуальными сооружениями, связанными с культом солнца¹⁹.

Исследователь памирских кромлехов Б. А. Литвинский считает, что кольца их генетически связаны с кругом верований, а именно, со страхом перед покойником, стремлением отгородить его от живых и создать ему максимальный ком-

¹⁵ Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, I. М.—Л., 1937, стр. 28.

¹⁶ И. И. Мещанинов. Указ. соч., стр. 7, 23—24.

Давно установлено, что первобытнокосмические воззрения у народов Северного Кавказа нашли свое отражение в каменных кольцах, окружающих курганы... Многочисленные круглые изделия являлись символом солнца, небесного свода. Они имели культовое назначение, вероятно, являясь местом поклонения ежегодно возрождающейся силе солнца (История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967, стр. 28 и след.).

¹⁷ Г. Обермаер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 587.

¹⁸ Всеобщая история архитектуры. М., 19, стр. 35.

¹⁹ Искусство стран народов мира. М., 1962, стр. 286.

форт — все это является составными частями культа предков²⁰.

Другой исследователь мегалитической культуры Н. Р. Батлер приводит один из текстов священного писания Авеста, где читаем: «Я воздвигаю это кольцо из камней для защиты от животных, чтобы никто другой из них не мог достигнуть этого предела». Приведенный текст он сопоставил с кольцами камней мегалитов²¹. Как видно, все эти соображения относятся к мегалитическим памятникам, отдаленным от изучаемых нами объектов. Список параллелей можно было бы увеличить и в другом направлении, скажем, за счет территориально близких памятников, хотя последние менее изучены. Речь идет о кромлехообразных каменных сооружениях из Натухаевской станицы (близ Новороссийска), обнаруженных еще в прошлом столетии В. И. Сизовым²². Судя по описанию, они сооружены так же, как и эшерские кромлехи из каменных кругов. Можно было бы назвать кромлех из-под Николаева (близ Одессы), известный еще в начале нашего столетия. К сожалению, скудный характер публикации не позволяет судить не только о материалах, связанных с памятником, но остается непонятным и само его назначение. Приложенный рисунок вплоть до некоторых деталей повторяет форму эшерских кромлехов²³.

В литературе, как отмечалось выше, относительно кромлехов существует мнение, что они служили выражением одной общей идеи — идеи солярного культа²⁴. В то же время в некоторых случаях среди отдельных или близко родственных между собой этнических групп они могли бы быть осмыслены применительно к их культурно-религиозным представлениям. Что же могут говорить в этом плане эшерские кромлехи?

Основным местом захоронения в кромлехах служила центральная площадь или центр первого круга. Обряд погребения — вторичный. Захоронению подвергались остатки человеческих костей вместе с инвентарем. В одном случае (кромлех № 1) обнаружены кости собаки. Таким образом, здесь имеем дело с тем же погребальным обрядом, что и в

дольменах Абхазии²⁵ и сопредельных районов²⁶. Площадь центрального круга, в которой происходило захоронение, сверху покрывалась известняковыми плитами больших размеров (табл. IV, XVI). Это хорошо прослеживается в оставшейся части второго кромлеха, где обнаружены две горизонтально положенные плиты. Такая же картина наблюдалась и в первом кромлехе. В связи с этим немаловажное значение приобретает вопрос о перекрытии кромлехов. На самом деле, останки погребенных вряд ли могли быть оставлены просто так под открытым небом. Это подтверждают и встречающиеся в центральных кругах горизонтально положенные известняковые плиты, которые могли опираться на вертикально поставленные камни, образующие круг. Так или иначе, захоронения производились в центре круга. Это проливает определенный свет на соблюдение в данном случае обряда вторичного захоронения. Если до сих пор существовало мнение относительно того, что занесение расчлененных человеческих костей в дольмены и кувшины оссуари (костехранилища) было вызвано маленькими отверстиями дольменов и кувшинов, то теперь оно теряет свой смысл. Все это объясняется именно обрядом вторичного захоронения. Если не вызывает сомнения существование в древности у некоторых народов, в том числе у абхазов, обряда вторичного захоронения, то возникает другой вопрос: чем вызван этот обряд в кромлехах, с каким религиозным воззрением населения он связан?

Многие исследователи, занимавшиеся изучением археологии Абхазии, отмечали, что обряд вторичного погребения уходит своими корнями по крайней мере в эпоху энеолита²⁷. По их мнению, эти обряды совершались в различных условиях и местах: в пещерах, дольменах, кувшинах-костехранилищах, обычных грунтовых ямах²⁸. К этому перечню теперь можно добавить и кромлехи. Обряд вторичного захоронения совершался после отделения костей от ткани, в результате разложения трупа²⁹. Это позволяет говорить об отсутствии искусственной декорации трупов в дольменах, оссуариях³⁰ и простых грунтовых погребениях Абхазии³¹. Подобный погре-

²⁰ Б. А. Литвинский. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья, т. I. Душанбе, 1969, стр. 73 (докторская диссертация).

²¹ Там же.

²² В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, 2. М., 1889, стр. 169 и след.

²³ Краткая всемирная история, I, древнейшие народы. СПб., 1903, стр. 53—54.

²⁴ Искусство стран народов мира. I. М., 1962, стр. 286.

²⁵ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. ТАИЯЛИ, 1960, стр. 80 и след.

²⁶ Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены. МАК, IX, стр. 46—47.

²⁷ М. М. Трапш. Труды, 2. Сухуми, 1969, стр. 155.

²⁸ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры Абхазии и прилегающей части Адлерского района. ТАИЯЛИ, XXXI, 1960, стр. 80.

²⁹ М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 156. В. И. Стражев. Бронзовая культура в Абхазии. АБНО, IV. Сухуми, 1926, стр. 107.

³⁰ Б. А. Куфтин. Материалы..., I, стр. 148 и след.

³¹ М. М. Трапш. Указ. соч., там же.

бальный обряд прослеживается и на кромлехах, где также нет следов искусственного расчленения, как это имело место в некоторых случаях в истории средневекового Дагестана³².

Не распространяясь в существующие теории возникновения и бытования обряда вторичного захоронения, отметим, что по крайней мере, во II—I тысячелетиях до н. э. этот обряд имел широкое распространение по всему Кавказу³³. Как справедливо отмечалось, везде и в разные эпохи в основе рассматриваемого обряда лежали различные идеологические представления, главным образом, представления о тесной связи души и тела: до полного разрушения тела, т. е. до освобождения костей от мяса, душа не может стать самостоятельной и остается в кругу живых, нуждаясь в пище и заботах о ней³⁴.

Многие исследователи обряда вторичного захоронения в Абхазии³⁵ увязывали его с древним погребальным ритуалом местного населения, совершавшимся над телом убитого молнией человека или животного. Обряды, связанные с культом молнии, проводились у абхазов еще в начале нашего столетия. Об этом существует многочисленная литература, записанная очевидцами. Интересно проследить, насколько глубоко корни этого обряда. По имеющимся на сегодняшний день древним источникам, заслуживает внимания сообщение древнегреческого писателя III в. до н. э. Аполлона Родосского. Согласно его поэмы «Аргонавтика» на берегу Колхиды, куда высадился Язон со своими спутниками, росло рядами множество раkit и ив³⁶. По его же словам, еще и теперь (т. е. III—II вв. до н. э.—Г. Ш.) остается у колхов свято-татством предавать огню трупы умерших мужчин; нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в недубленные шкуры и вешают на деревьях, вдали от города..., женщин же хоронят в земле³⁷. Спустя длительное время, подвешивание на деревьях, правда, без указания на вторичное погребение, стало известно многим авторам, но все они, как правило, акцентируют не на общегеографическое понятие — Колхида, а конкретно указы-

вают на Абхазию, точнее на абхазов. Так, Арканджело Ламберти, живший в Мегрелии в качестве миссионера 18 лет (1635—1653 гг.) писал, что у абхазов есть замечательный обычай: покойников не хоронят, но вешают на деревья, помещают их в выдолбленные деревянные колоды, служащие гробом и привязывают их с помощью виноградной лозы к верхушкам деревьев, тут же вешают все оружие, которое покойник употреблял на войне³⁸. Аналогичную картину застает турецкий путешественник Эвлия Челеби (1641 г.). Он писал: «Этот абхазский народ странным образом хоронит своих беков (князей): тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикреплялся к ветвям высокого дерева; над головою в ящике оставляется отверстие, дабы бек мог, как они говорят, видеть небо»³⁹. Об этом абхазском обычае погребения писал и грузинский географ Вахушти⁴⁰. Естественно предположить, что упоминание столь странной и необычной погребальной церемонии абхазов для многих исследователей оставалось непонятным и загадочным.

Этот погребальный обычай укоренился в научной литературе под названием «воздушного захоронения».

Но вот в 1855 году выходит труд Соломона Званба — первого абхазского этнографа, в работе которого дается ключ к разгадке тайны, т. н. воздушного захоронения. С. Званба тогда писал: «Если громовым ударом будет убита скотина, то хозяин ее собирает всю деревню, без различия пола, устраивает на четырех столбах вышку такой высоты, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звери. После сооружения вышки все присутствующие совершают вокруг убитой скотины пляску, напевая слова «во-етла», «чоупар-бу», причем скотину поднимают на вышку. Там она остается на съедение хищным птицам. Но если гром поразит человека, то и над его телом совершают подобный же обряд. Во время круговой пляски родственники убитого не должны плакать, потому что, по понятиям абхазцев, Афы поразит всех присутствующих одним ударом. Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся одни кости. После этого гроб снимают с вышки и пре-

³² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестан). МИА, 68, 1958, стр. 149 и след.

³³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, 1, стр. 117; Г. Н. Чубинишвили. Раскопки на Амиранас-Гора в 1958—1959 гг.

³⁴ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, 1, стр. 191.

³⁵ М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников..., стр. 69 и след.; Б. А. Куфтин. Указ. соч., там же; М. М. Трапш. Труды, 2, стр. 153 и след.

³⁶ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, I. СПб., 1893, стр. 418.

³⁷ Там же, 1902, стр. 418.

³⁸ Арканджело Ламберти. СМОНПК, 43. Тифлис, 1913, стр. 189—190. Небезынтересно отметить, что и в настоящее время в с. Куланурхва Гулаутского района есть название местности Апскнахарта (букв. место вывешивания покойников). Архив Абхазского института ЯЛИ, фонд 2, дело 159, стр. 124.

³⁹ Ф. К. Брун. Путешествие турецкого туриста вдоль восточного берега Черного моря. ЗООИД, IX, стр. 178.

⁴⁰ Вахушти. Описание царства грузинского. Тбилиси, 1941, стр. 172 (на груз. языке).

дают его с костями земле...»⁴¹. Примерно такой же обычай проследил известный этнограф Н. Альбов в конце XIX в. у самурзаканских абхазцев, которые тоже исполняют песню и пляску вокруг убитого молнией человека и просят бога грома и молнии, чтобы он другой раз пощадил их⁴².

Немаловажный интерес представляют полевые материалы Н. С. Джанашиа, записанные им со слов абжуйских абхазцев в начале XX века. Согласно его записям, первоначальный обет божеству Афы дается там, где произошел удар молнии. Потом убирают предмет, в который ударила молния. Соприкасаться с этим предметом, как бы легок он ни был, без Аф-рашва (песня Афы) нельзя; если это животное, то его с почестями нужно убрать, куда-нибудь на окраину села, в лес, где сооружается высокий ашвамкьат. Народ с пением Аф-рашва в два хора несет на руках громом убитую тварь⁴³.

В других случаях при различных обрядах в честь божества Айтар трижды исполнялась Аф-рашва и под ее звуки хороводный «божий танец» в кругу⁴⁴. Аналогичное явление имело место и в Бзыбской Абхазии⁴⁵.

По наблюдениям известного этнографа Г. Ф. Чурсина, побывавшего в Абхазии в 20-х годах нашего столетия, всё пораженное молнией в глазах абхаза становится достоянием божества Афы, и ему посвящается особая церемония — божественная песня «Отлар-чопа», «круговой пляс», положение трупа человека или животного, сраженного молнией, на ашвамкьат⁴⁶ и т. д.

Как установил Г. Ф. Чурсин, для выяснения смысла «чоппар» следует обратиться к молитвенным обрядам, относящимся к культу молнии других кавказских народов. У карачаевцев и балкар при поражении молнией поется песня, в которой часто повторяется слово «чоппа». Это обрядовая песня, как видно, очень древнего происхождения. Балкары объясняют так: по преданию, нарты, когда кого-либо поражала молния, пели всегда какую-то песню «чоппа». Этот же обряд соблюдался и у осетин. У них «сохранился до сих пор танец «чоппа»... исполнялся в целях умиловления бога грома и молнии в тех случаях, когда молния убивала человека или

⁴¹ С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955, стр. 67—68.

⁴² Н. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. Журнал «Живая старина», III, 1893, стр. 323.

⁴³ Н. С. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, стр. 67—68.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 531—532.

⁴⁶ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956, стр. 57 и след.

животное. У карачаевцев в честь «чоппы» устраивался ежегодно всенародный праздник. Около священного камня «чоппы» «чоппан-таш» — «камень чоппы» (такие священные камни имелись, по-видимому, в каждом обществе) устраивали игры, при этом раскачивали козленка за рога, он кричал, а молящиеся водили вокруг хоровод и пели песню «элли-чопа». По окончании церемонии козленка варили и ели. Очевидно, «чоппа» представлял божество грома и молнии. Этот «чоппар», «чоппа» представляет собой древнее народное божество грома и молнии многих народов Кавказа (абхазов, кабардинцев, карачаевцев, балкар, осетин). Видимо, впоследствии название вытеснено у одних народов пророком Ильей, у других местными божествами — Афы у абхазов, Швыбла — у черкесов⁴⁷.

Из сказанного видно, что т. н. воздушное погребение тесно связано с захоронением убитого молнией человека или животного. Видимо, уже в XIX в., по крайней мере, начиная со времен Соломона Званба, деревья заменяются четырехножным сооружением из плетеного хвороста — ашвамкьат (ашэамкьат).

Таким образом, согласно письменным сведениям и устным сообщениям на территории Абхазии и в некоторых сопредельных областях с древнейших времен прослеживается определенный способ захоронения, связанный с исполнением религиозного ритуала, посвященного божеству Афы. Конечно, нельзя категорически утверждать, что существует прямая связь между описанным обрядом захоронения убитого молнией со вторичным обрядом захоронения в дольменах, пещерах, кувшинах, грунтовых ямах, кромлехах. Но постановка вопроса о тесной связи археологических памятников материальной культуры Абхазии с духовной культурой его коренного населения вполне закономерна.

Л. Н. Соловьев, посвятивший много труда изучению погребальных обрядов в дольменах, пещерах и кувшинных захоронениях, пришел к выводу, что все эти способы захоронения были вариантами одного погребального обряда, обусловленного единым религиозным мировоззрением этого общества⁴⁸. Тем более, что многие исследователи древних обществ при интерпретации того или иного памятника немаловажное значение придают отголоскам древних представлений в современном этнографическом материале и считают, что в рамках конкретных культурных и этнических общностей иногда удается связать их с этнографическими материа-

⁴⁷ Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 62.

⁴⁸ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры..., стр. 90.

лами о духовной культуре народов, живущих сейчас на близких территориях. Особое внимание должно быть уделено тем обществам, где состав населения резко не менялся⁴⁹.

Для конкретизации этого ритуала обратимся к эшерским кромлехам, приобретающим большое значение для решения вопроса о корнях сложного абхазского погребального религиозного обряда, связанного с культом небесного божества молнии и грома — Афы. В плане кромлехи круглые, т. е. мы имеем земное воспроизведение формы самого большого небесного светила — солнца⁵⁰. Как отмечалось выше, это были сооружения, воздвигнутые на возвышенном, господствующем месте, ориентированном на солнцестояние. Сооружения создавались из специально привезенных камней: песчаника, исполнявшего функцию каменных столбов при сооружении кругов; известняка — служившего для перекрытия; мелкого галечника и гравия, выполнявших функцию подсыпки. Центральная часть кромлехов являлась наиболее значительной, священной. Об этом говорит и то, что камни были поставлены сглаженной стороной внутрь. Таким образом, получается, что останки покойников вместе с погребальными предметами окружались со всех сторон камнями⁵¹: снизу подсыпан мелкий галечник, вокруг — песчаниковые глыбы, сверху — известняковые плиты. И это понятно, ибо в древних обществах «камень считался нечто вечным, неразрушимым и, следовательно, приобщение покойника к таким вечным объектам должно быть благотворным в смысле его возрождения в ином мире»⁵².

В сооружении эшерских кромлехов так же, как и доль-

⁴⁹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 230, 231.

⁵⁰ БСЭ, т. 23, стр. 480; СИЭ, т. 8, стр. 175.

⁵¹ По наблюдениям Д. И. Гулиа, в недалеком прошлом в Абхазии существовал обычай по устройству ограждающих или запретных линий против всяких вредных и опасных явлений, угрожающих человеку, чтобы летом змеи не вползали во двор, один из хозяев-мужчин берет мотыгу, а другой в сите золу. Первый обходит двор, царапая землю мотыгой, а второй идет за ним, просеивая золу в царапины, говорит: «Змей, то, что мы загородили, нам принадлежит, не имеешь права сюда входить» (Д. И. Гулиа. История Абхазии, I. Сухум, 1925, стр. 177).

Есть у абхазов и другой обычай, связанный с магической силой круга. Так, женщина при встрече с близким человеком (за исключением супруга), с которым давно не виделась, в знак уважения обходит его кругом несколько раз, лишь потом обнимает его, или же вместо этого женщина преклонного возраста правой рукой обводит вокруг его головы тоже несколько раз со словами «уара узгаша сара сагаант» — «да унесет меня (в преисподнюю) то, что хочет тебя забрать». В обоих случаях мужчина, кому оказано столь высокое уважение, вежливо сопротивляется движению женщины.

⁵² Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 381.

менов, были заинтересованы большие коллективы; место построения их не было случайным, а предварительно выбранным. Туда доставляли из различных районов строительный материал. В то же время в кромлехах хоронили не всех покойников⁵³. Интересно, что вместе с человеческими костями в кромлехе был найден костяк собаки, как это имело место и в дольмене того же села Эшера⁵⁴. Нужно полагать, что кромлехи служили своего рода священными костехранилищами, куда переносились останки как людей, так и животных, которых постигала, очевидно, одинаковая участь. Такой участью могла быть смерть, вызванная ударом молнии, посещением огня как бы посланного божеством грома и молнии, требовавшего исполнения различных обрядов (круговой пляс, песня Отлар-чопа и т. д.) и захоронения останков убитого на самом священном месте. Эшерские кромлехи могли быть так же местом вторичного захоронения не только убитых молнией, но и умерших неестественной смертью (гибель на чужбине, утопленник и т. д.)⁵⁵, оставаясь при этом святилищем-храмом божества Афы⁵⁶, могущим иметь при себе своих служителей-хранителей (жрецов). Поэтому не исключено, что в эшерских кромлехах хоронили не только убитых молнией, но и возможных священнослужителей (аныха пџаафы). Косвенным подтверждением этому служит сообщение итальянского монаха Джиновани Люча, посетившего Абхазию около 1633 года, и который вслед за описанием ритуала захоронения на деревьях констатирует, что у абхазов имеются специальные священники (Рара), не имеющие других обязанностей, кроме как хоронить мертвых и заботиться об их душе⁵⁷. К числу таких специально выделенных мест захоронений относились и эшерские кромлехи.

⁵³ Вспомним, что еще по данным Евлия Челеби, не все подвергались воздушному захоронению, а определенная часть населения — ее верхушка, князья, беки. Ф. К. Брун. Указ. соч., стр. 178.

⁵⁴ Л. Н. Соловьев. Указ. соч., стр. 90.

⁵⁵ У черкесов также главным божеством считалось божество молнии Шибле (смерть от молнии считалась почетной, убитого молнией человека не полагалось оплакивать, могила его считалась священной. А у шапсугов, проживающих в настоящее время в районе Туапсе, один из способов вызывания дождя при засухе состоял в том, что все мужчины селения шли к могиле человека, убитого молнией («каменной могиле», считавшейся общинной святыней, как и деревья вокруг нее); в числе участников обряда временно должен был быть член того рода, к которому принадлежал покойник. Придя на место, все они брались за руки и под обрядовые песни плясали босиком и без шапок вокруг могилы (С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1965, стр. 206—207).

⁵⁶ В специальной литературе есть указание на то, что в древней Колхиде существовал храм солнца, где в одно время скрывалась Медея. (См. Д. И. Гулиа. История Абхазии, стр. 286—287).

⁵⁷ ЗООИД, XI. Одесса, 1879, стр. 493; см. также М. М. Трапш. Труды, 2, стр. 160.

Некоторая локальность культуры, представленная как в кромлехах, так и в дольменах Абхазии, дает основание считать, что, по крайней мере, на территории Западного Закавказья, в частности Абхазии, мегалитические памятники были связаны с единым или же близким этническим массивом. А таковыми, по данным новейших исследований, могли быть носители абхазо-адыгской языковой группы или родственные им племена, проживавшие по крайней мере начиная с III тысячелетия на Западном Кавказе, в Колхиде и южном Причерноморье⁵⁸. В пользу непрерывности этно-культурных традиций говорят добытые материалы из эшерских кромлехов.

О ДАТИРОВКЕ ЭШЕРСКИХ КРОМЛЕХОВ

Эшерские кромлехи, являющиеся культовыми сооружениями, функционировали на протяжении многих столетий. Раскопочный материал позволяет предварительно наметить хронологические рамки существования кромлехов; нижней датой является первая половина второго тысячелетия до н. э. Об этом говорит керамическая посуда из слоев «в», куда входит:

1) миниатюрный погребальный сосуд с ластовидной лжеручкой (табл. XXIII, 1), с вогнутой внутрь закрайной, плоским дном без орнамента. Такие же сосудики происходят из эшерских дольменов, относящиеся ко времени ранней и средней бронзы¹;

2) кружка с маленькой петлевидной ручкой, соединенной с закрайной при помощи штифтика (табл. XVIII, 3). По ряду признаков морфологически близка к сосуду из нижних слоев эшерских дольменов², а также очень напоминает узор керамической посуды третьего слоя Мачарского поселения, относящегося к концу ранней бронзы, к первым векам II тысячелетия до н. э.³ Об этом так же свидетельствует кружка из второго слоя холма Диха-Гдузуба, относящаяся ко времени ранней бронзы⁴.

Наряду с глиняными изделиями в пользу предложенного времени возникновения эшерских кромлехов говорят и ряд бронзовых предметов, в т. ч.: 1) бесчеренковый кинжал (табл. XXVI, 2), по своей форме восходящий к кинжалам III — II тысячелетия до н. э. Южного Кавказа⁵ и Абхазии⁶⁻⁷.

¹ О. М. Джапаридзе. Дольменная культура..., стр. 103.

² Там же, стр. 89, рис. 7.

³ В. В. Бжания. Мачарское поселение энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1, 1966, стр. 122, 123, рис. 5, 2.

⁴ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II, 1950, стр. 249, 250, табл. 63, 3.

⁵ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 118, рис. 42, 12, 26.

⁶⁻⁷ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры. ТАИЯЛИ, XXXI. Сухуми, 1960, стр. 75. Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1949, стр. 11.

⁵⁸ И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 13. История древнего мира, I. М., 1970, стр. 167.

Массивные бронзовые бочонкообразные бусины⁸⁻⁹, а также мелкие пастовые бусы¹⁰ и булава с куполообразной головкой и треугольными ажурными шейками — это типичные местные изделия Абхазии эпохи ранней и средней бронзы¹¹ (табл. XXV, 17).

Кромлехи продолжали функционировать и в период поздней бронзы. К этому времени относится типичный бронзовый кинжал с пламевидным клинком, представленный повсеместно в колхидско-кобанской культуре¹²⁻¹³. Бронзовый гребень, спиральные трубочки, пинцет, сердоликовые бусы и другие предметы хорошо документированы Куланурхвинским могильником VIII—VII вв. до н. э.¹⁴. Железные же предметы вроде лавролистного или листовидного наконечника копий, ножа и т. д. относятся к первой половине I тысячелетия до н. э. А наличие трехперого железного наконечника стрелы сарматского типа и другие предметы начала н. э. дают основание считать, что эшерские кромлехи, видимо, были известны еще в начале первой половины I тысячелетия н. э. Примерно к тому же времени относится прекращение функционирования кромлехов. Связано ли это с теми событиями, имевшими место на рубеже двух тысячелетий — митридатскими войнами, появлением римских легионов, активизацией местных племен и т. д., но так или иначе, после первых веков н. э. эшерские кромлехи уже заброшены. Такова верхняя дата существования эшерских кромлехов.

Заканчивая очерк об эшерских кромлехах, хочется отметить, что их строители так же, как и строители дольменов, независимо от того, пришла ли эта идея несокрушимого каменного жилища для усопших извне или нет¹⁵, сделали важный шаг в развитии архитектуры среди местного населения; они могли бы быть по-своему осмыслены, как это бывает вообще с культовыми обрядами¹⁶.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ — Большая Советская энциклопедия.

ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии.

ЗАКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского географического общества.

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.

ИАНО — Известия Абхазского научного общества.

ИГАИМК — Известия государственной академии истории материальной культуры.

КСИА — Краткие сообщения института археологии.

КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.

МАК — Материалы по археологии Кавказа.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

СА — Советская археология.

САНГ — Сообщения АН Грузинской ССР.

СИЭ — Советская Историческая энциклопедия.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

ТАИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы, истории имени Д. И. Гулиа.

ТТГУ — Труды Тбилисского Государственного университета.

ТГМГ — Труды Государственного музея Грузии.

ТКЧНИИЯЛ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института языка и литературы.

ТОИПКГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.

⁸ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, табл. XXX, 9.

⁹ О. М. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 123, рис. 33.

¹⁰ Там же, стр. 296, рис. 64.

¹¹ Археология Грузии, стр. 116.

¹² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 472.

¹³ А. Л. Лукин. Эшерская находка. ТАИЯЛИ, XXVII, стр. 167, табл. I. Его же. Материалы..., стр. 128.

¹⁴ М. М. Трапш. Памятники..., стр. 81.

¹⁵ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 238.

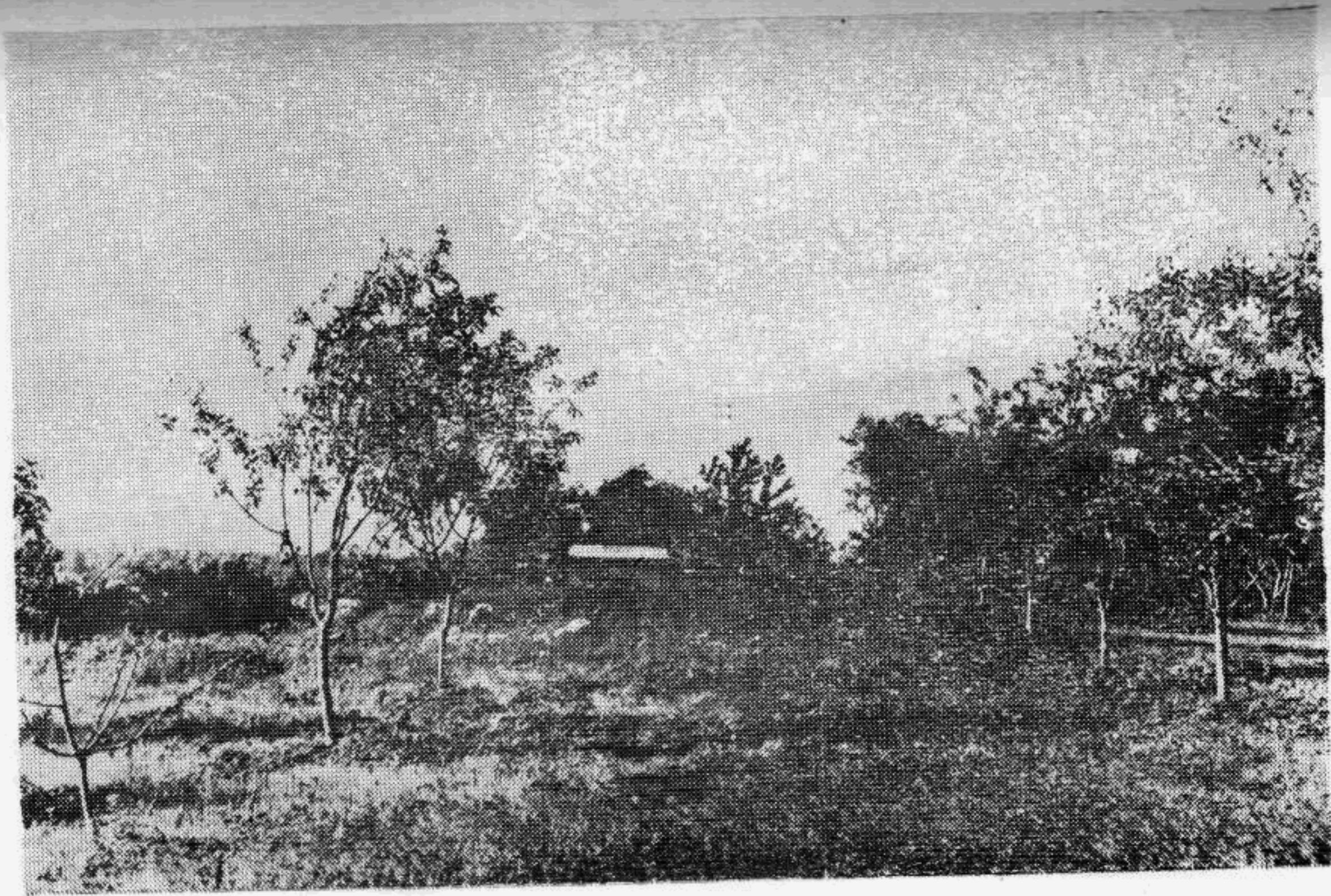
¹⁶ А. Я. Брюсов. К вопросу о теории диффузии. СА, I, 1957, стр. 12.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

- I. Общий вид местонахождения кромлехов до начала раскопок.
- II. Состояние центральной части кромлеха № 1 после зачистки от верхней насыпи.
- III. Сохранившаяся часть центрального круга кромлеха № 2 и способ перекрытия белой известняковой плитой.
- IV. Известняковые плиты, служившие для перекрытия центральной части кромлеха № 2.
- V. Деталь дорожки между 3 и 4 кругами кромлеха № 1.
- VI—VII. Препарированный участок центральной части кромлеха № 1.
- VIII. Миниатюрное захоронение в каменном ящике № 1.
- IX. Ящик № 2 в середине кромлеха № 1.
- X—XI. Способ сооружения и крепления рядов кромлехов.
- XII. Кромлех № 1 с наружной стороны. Вид с севера.
- XIII. Кромлех № 1. Вид с юга.
- XIV. Дно-подсыпка из мелких камушков, кромлех № 2.
- XV. Кромлехи после раскопок.
- XVI. Общий план раскопок эшерских кромлехов № 1 и № 2.
- XVII—XXII. Керамическая посуда.
- XXIII. Миниатюрные сосудики: 1—3 — кромлех № 1. 2 — кромлех № 2.
- XXIV. Сосуды из абхазских дольменов с. Эшера.
- XXV. 1. Спиральная трубочка. 2. Часть украшения с надрезами. 3. Ролик 5, 9, 10, 15, 16, 19, 25, 27—28. 4. Навершие с двумя бараньими головками. 5. Серьги-привески овальной формы. 6—8. Серьги круглой формы. 11—14. Жуковины. 12—13. Бляшки-пуговицы. 17. Булавка с куполовидной головкой. 29—32—35. Браслеты. 33—34, 37—47. Бусы. 36. Сердолик.
- XXV-а. 1. Бочонкообразные массивные бусы. 2. Каменные бусы.
- XXVI. Изделия из бронзы: 1—2. Кинжалы. 3. Стреловидная пластинка с раздвоенным хвостом. 4. Черешковая стрела. 5. Пинцет. 5-а. Гирковидная привеска. 6. Гребень. 7. Навершие молоточковидной булавки. 8. Якоревидная подвеска. 9. Орнамент фрагментированной пластиночки. 10—11. Колечки-подвески. 12. Пряжка. 13. Якоревидное украшение.
- XXVII. Металлические предметы из эшерских кромлехов: 1—13, 15—16, 18. Железо. 14, 17. Бронза. 1—5, 13. Наконечники копий. 6. Посох. 7—12. Ножи. 14. Привеска. 17. Часть украшения. 15. Фибула. 16. Колечко-привеска. 9. Наконечник стрелы (сарматского типа).
- XXVIII. Железное оружие, происходящее из верхних слоев кромлехов: 1, 3—5, 10—12. Копья. 2. Нож-кинжал. 6—9. Ножи. 13. Наконечник посоха. 14. Навершие с двумя спиралевидными головками.

ТАБЛИЦЫ

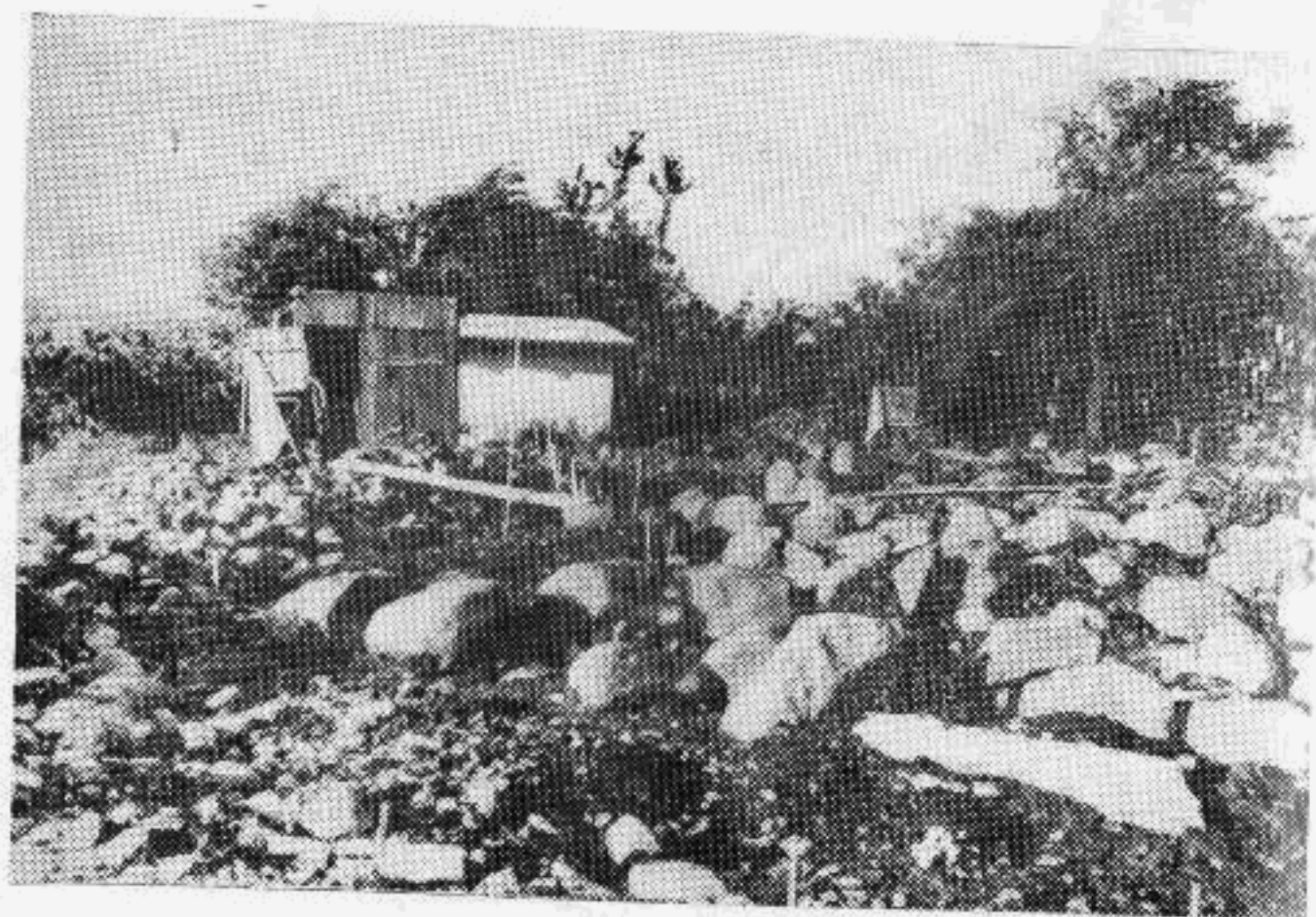

II.

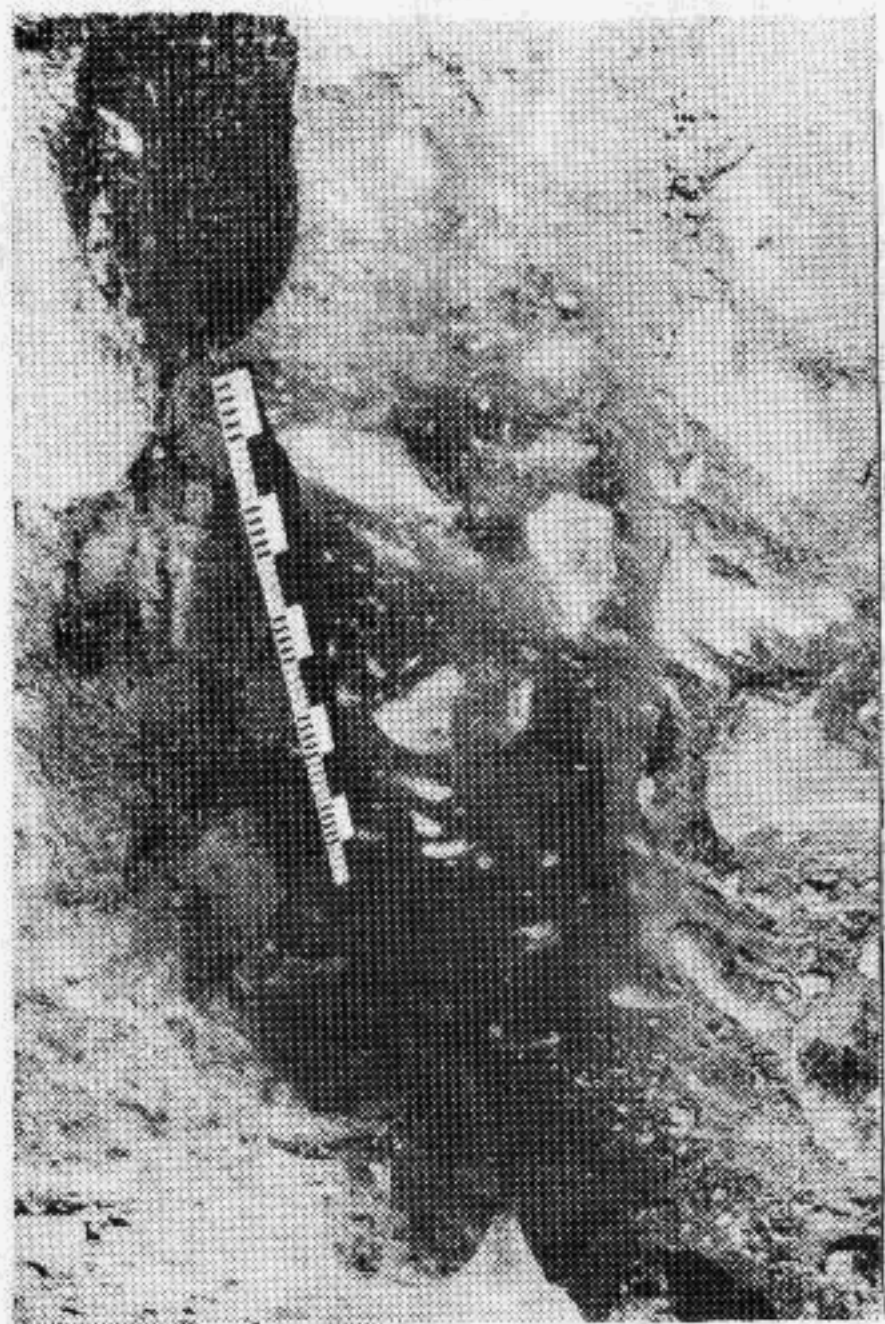

III.

IV.

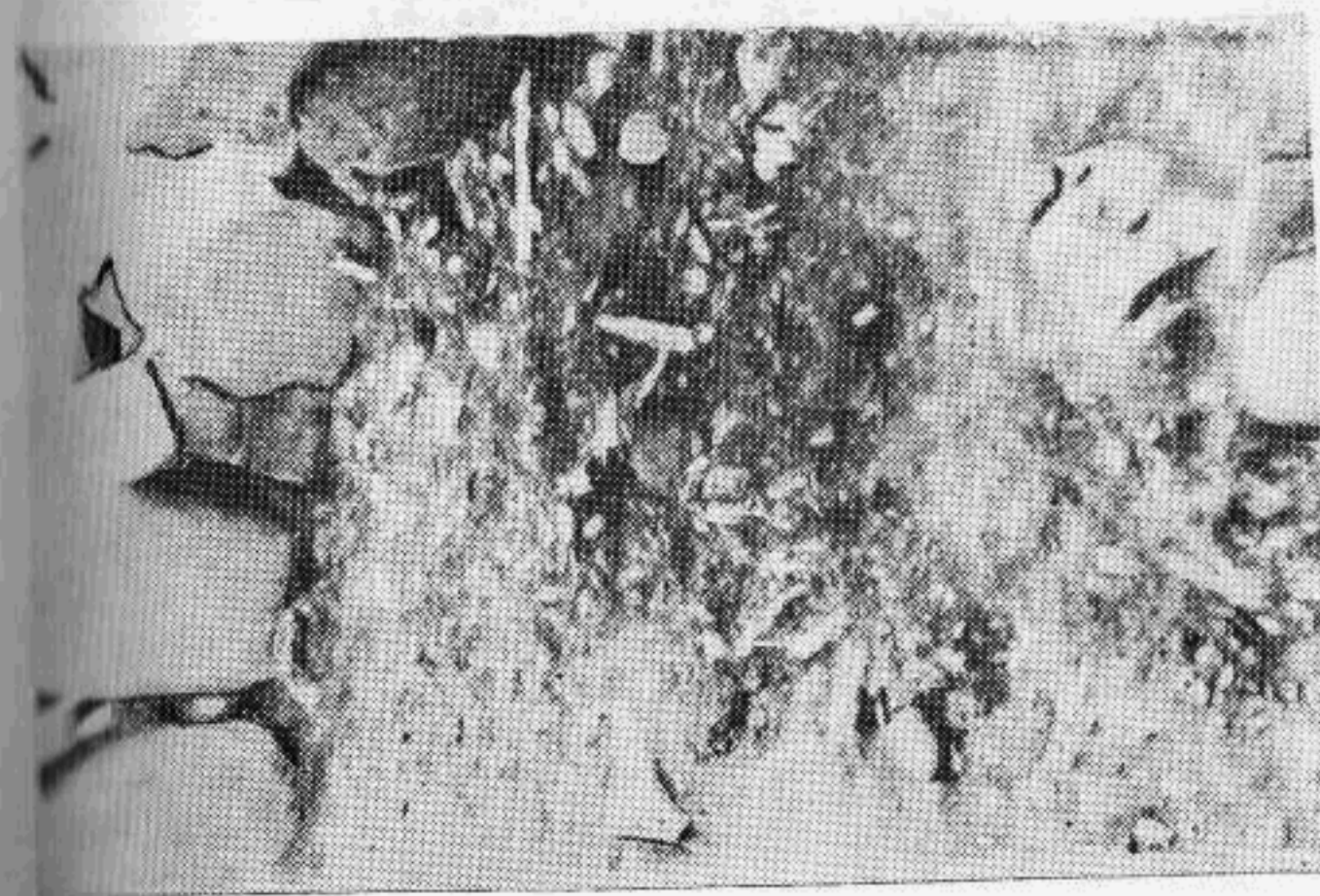

V.

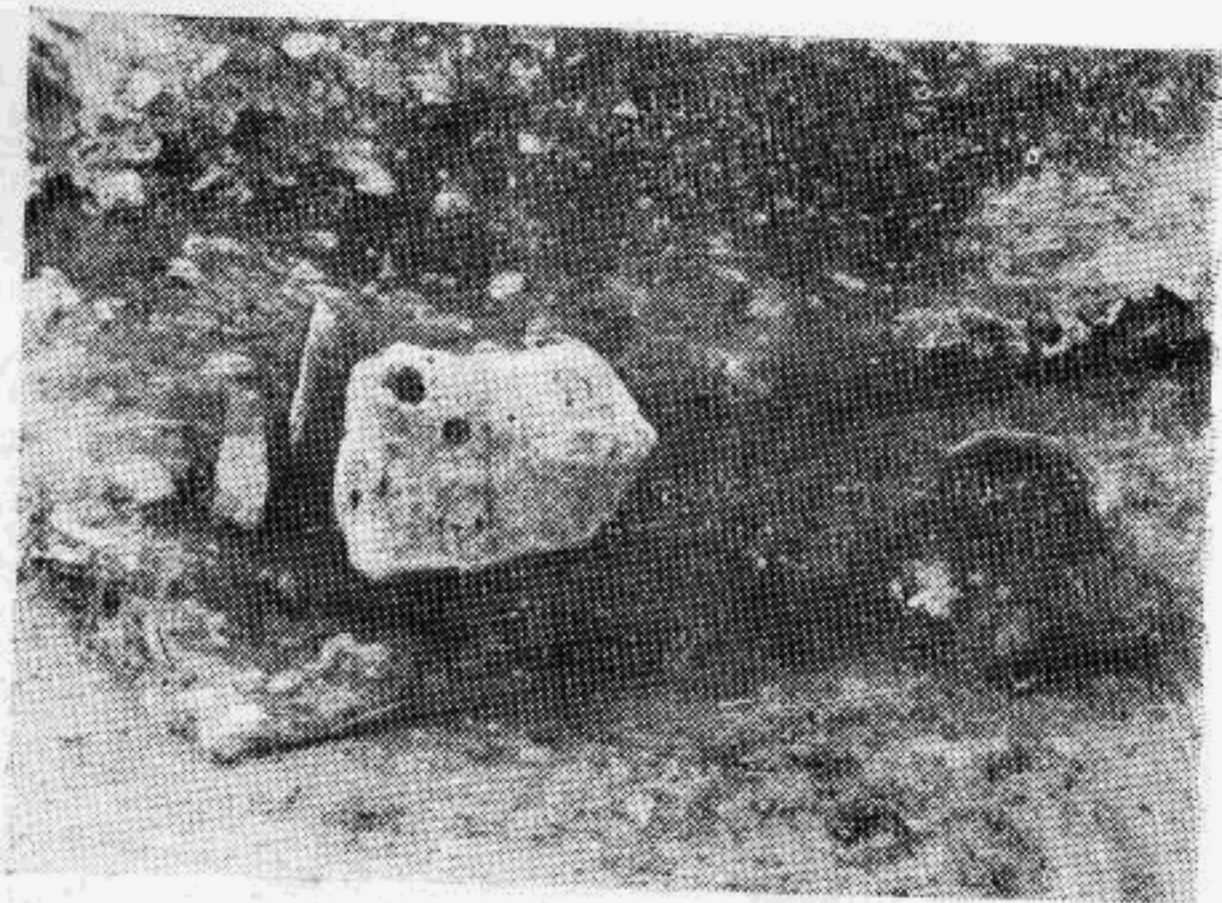

VI.

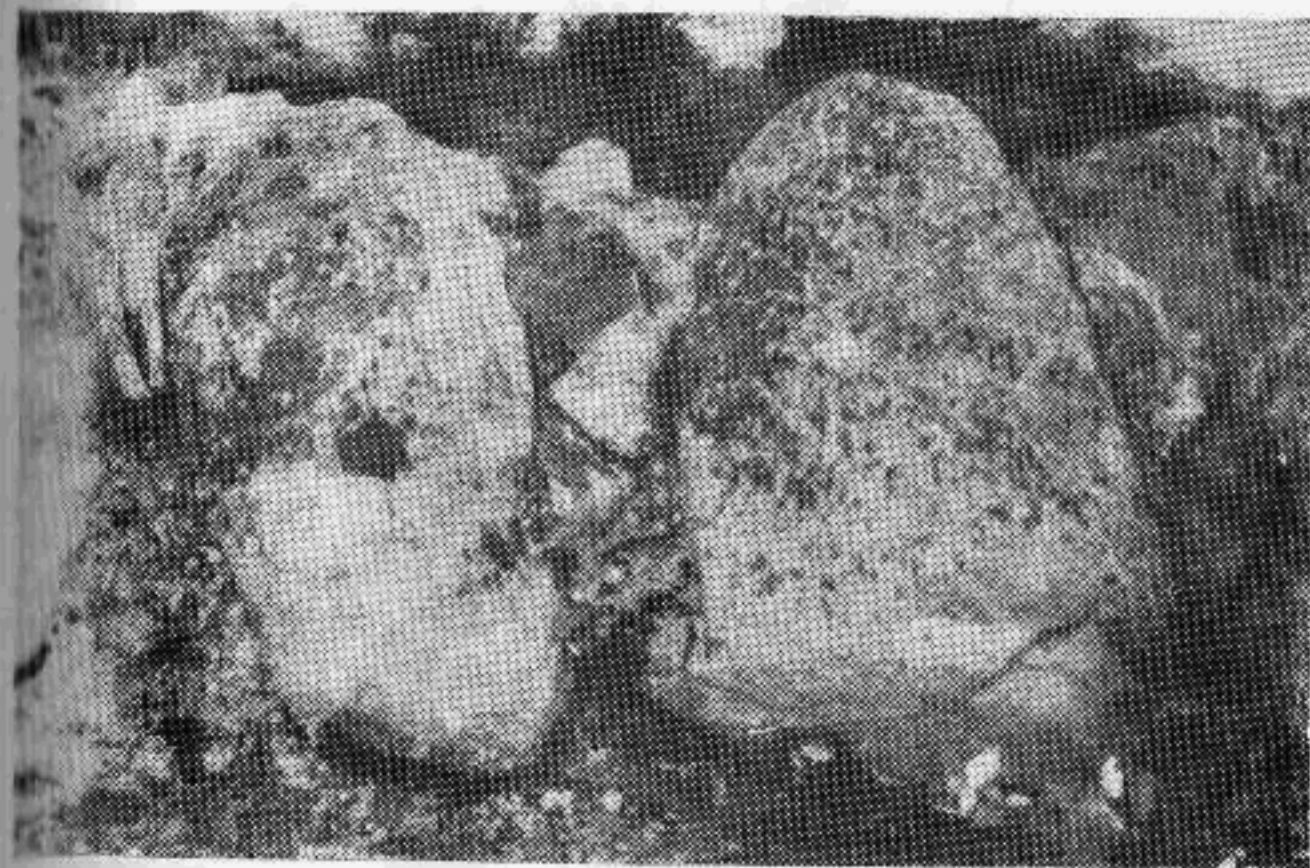

VII.

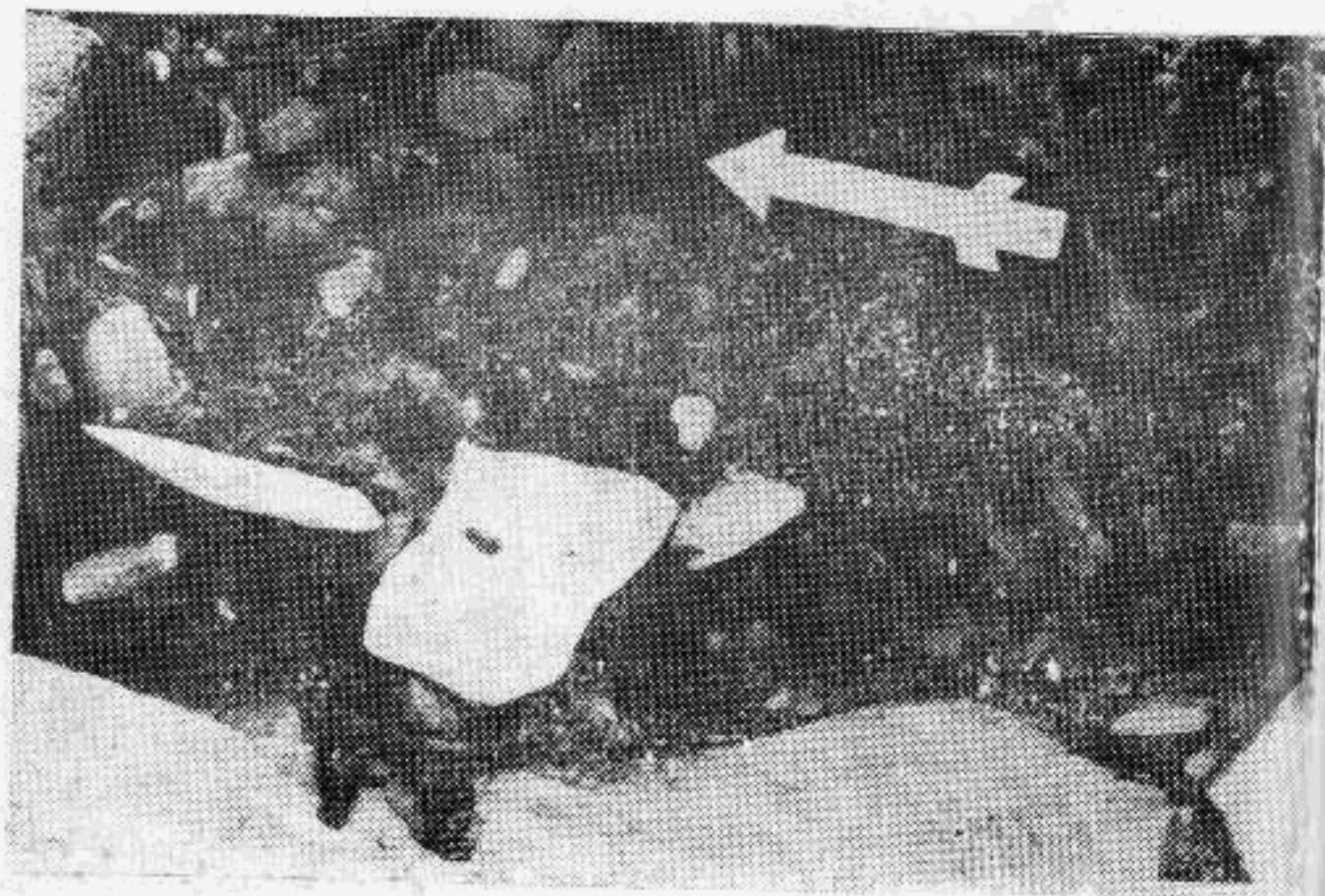

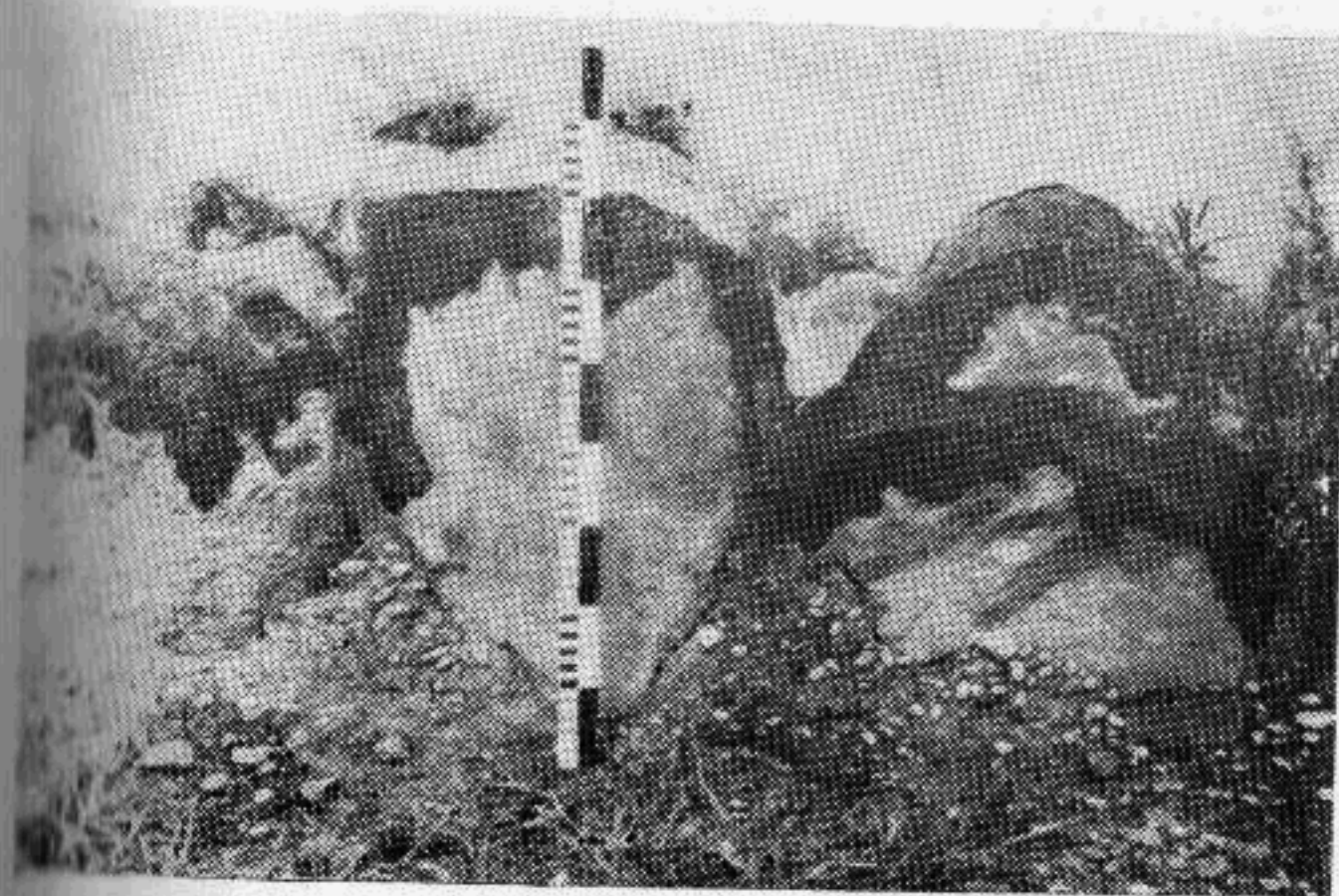
VIII.

X.

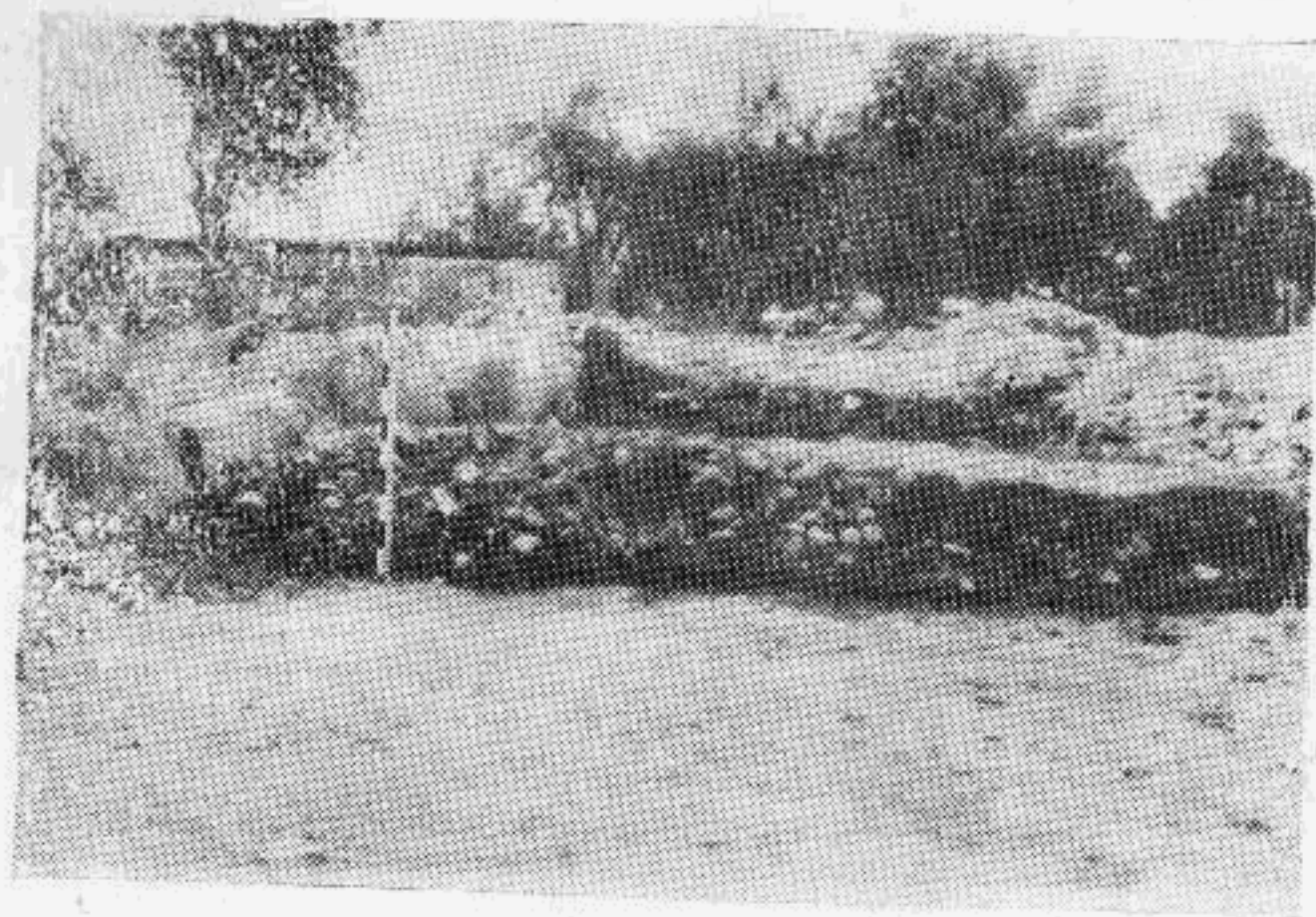

IX.

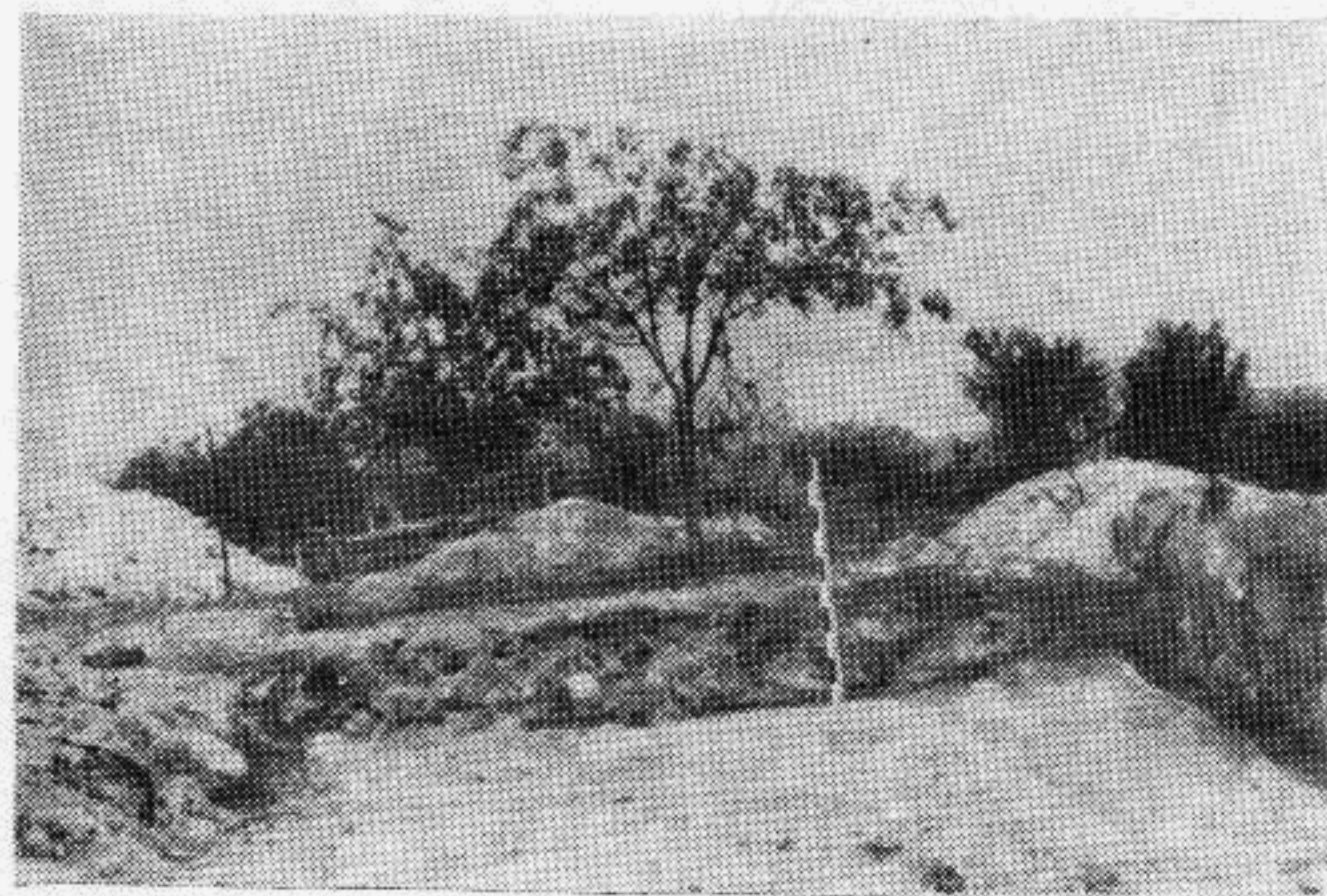

XI.

XII.

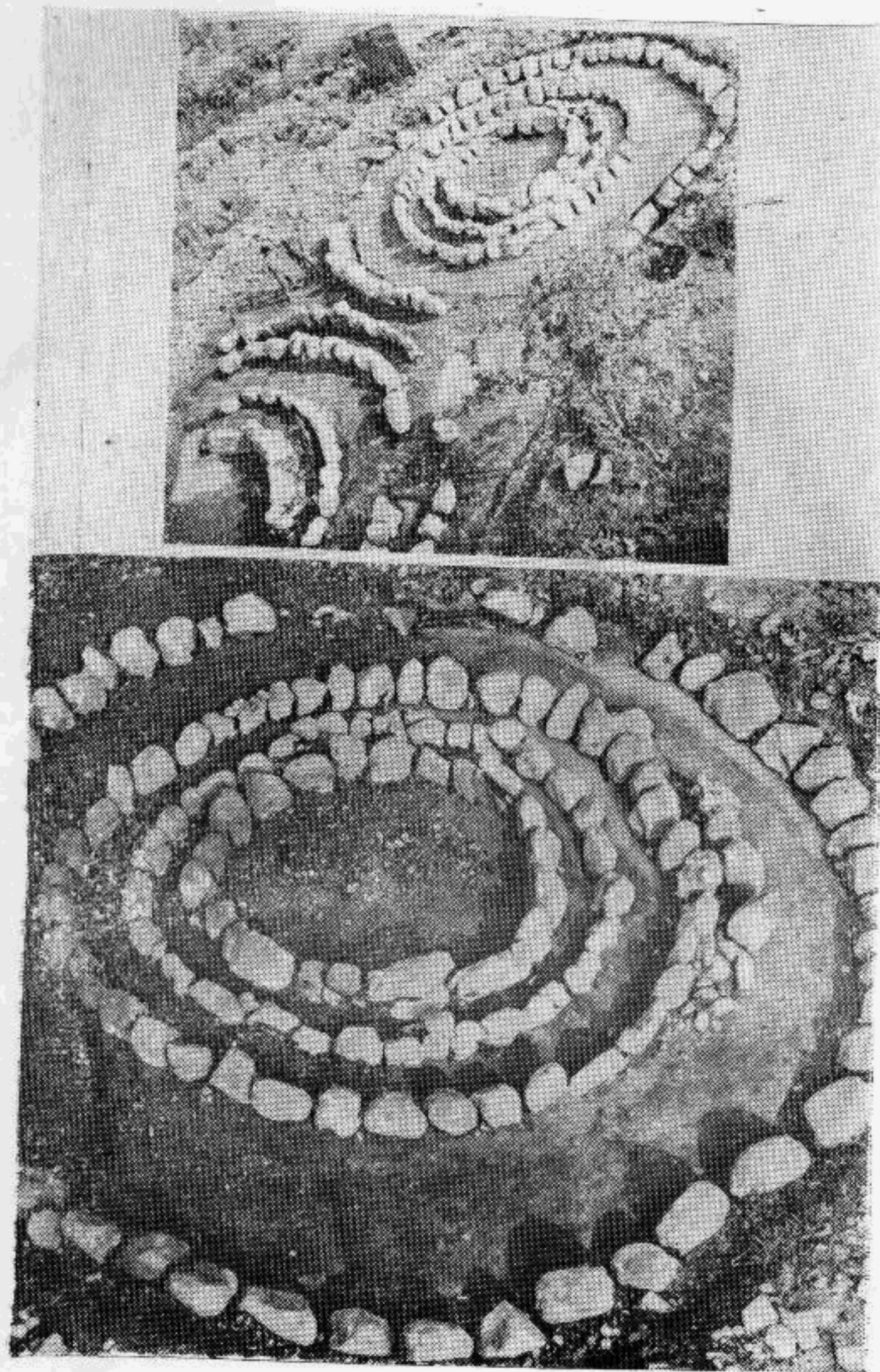

XIII.

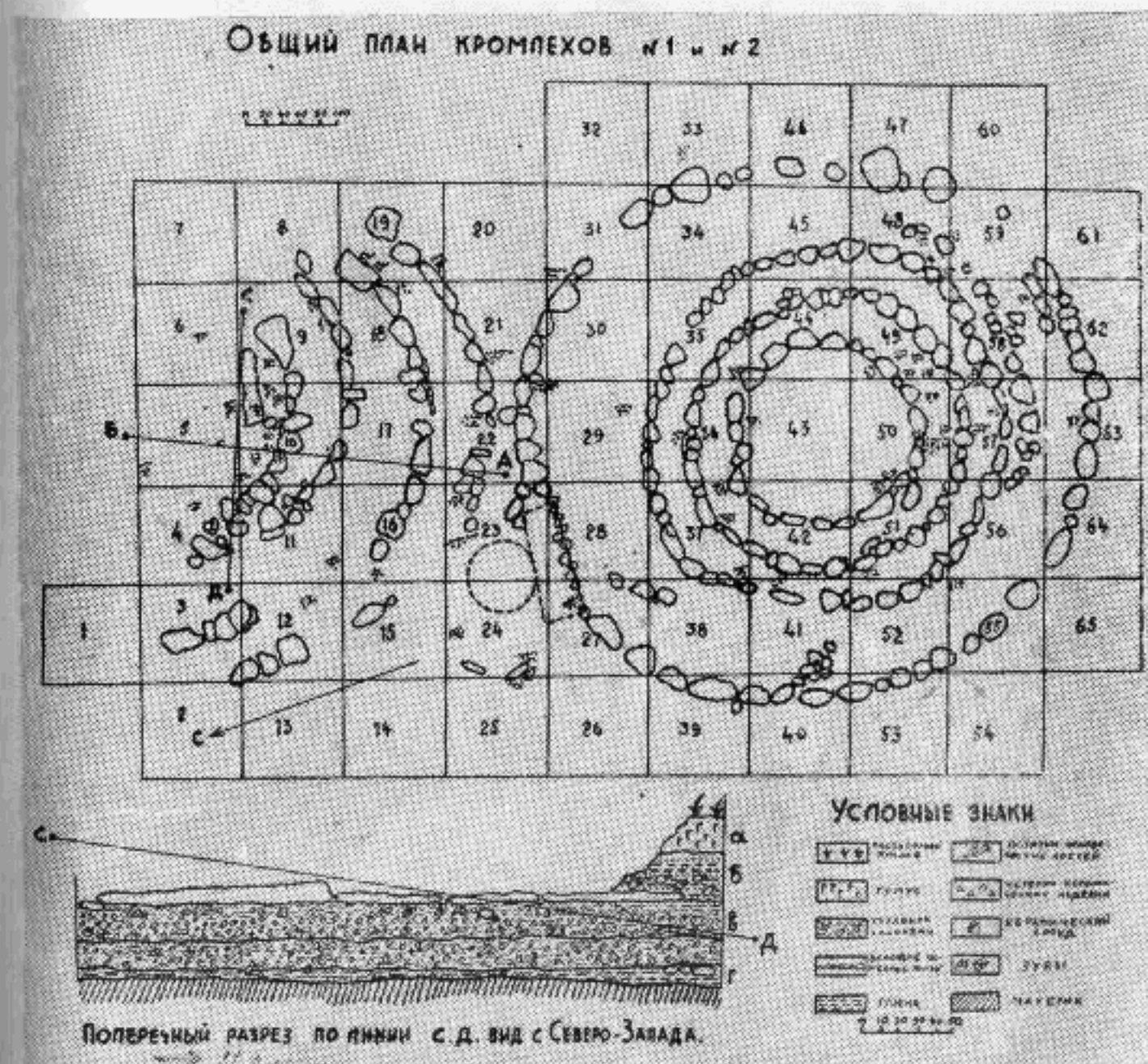

XIV.

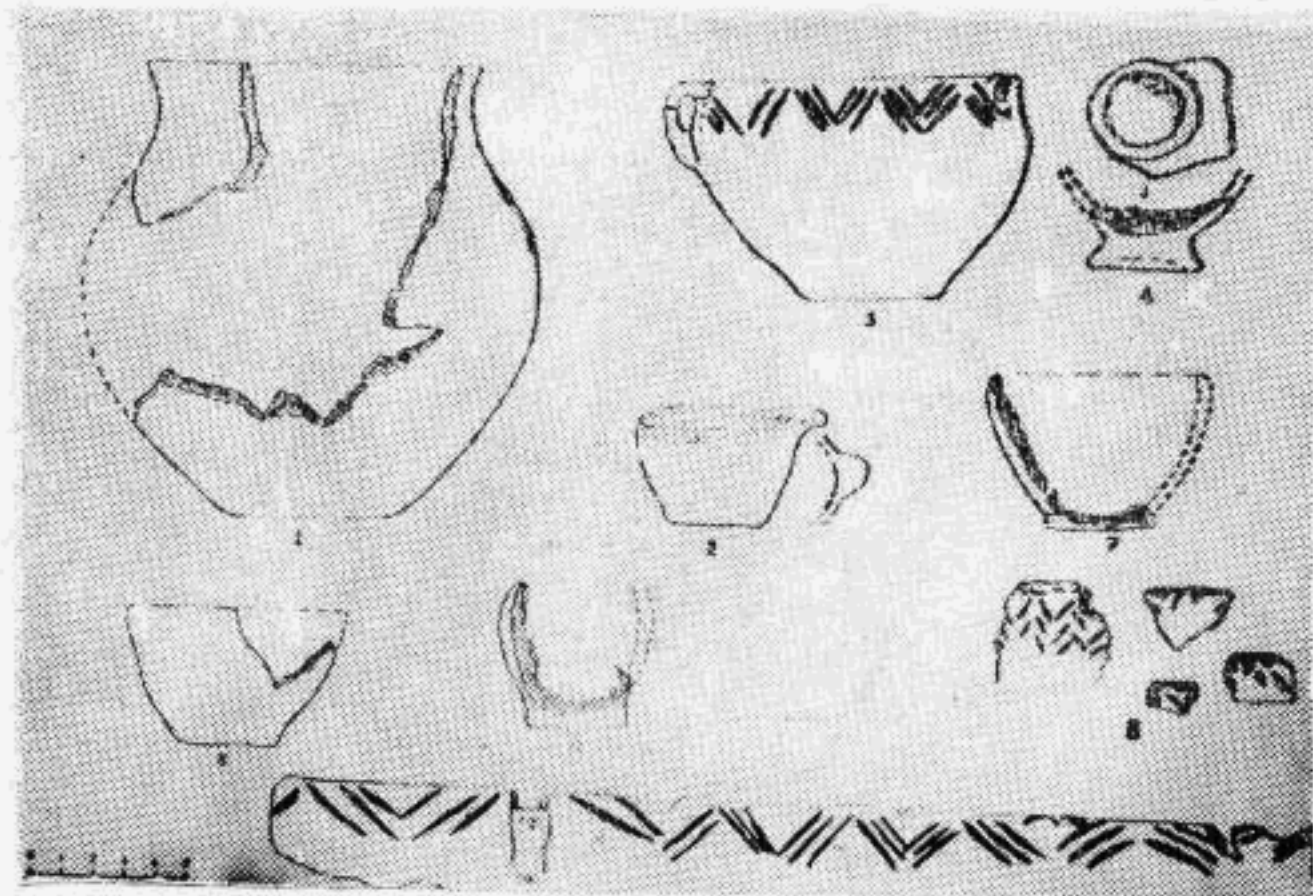

XV.

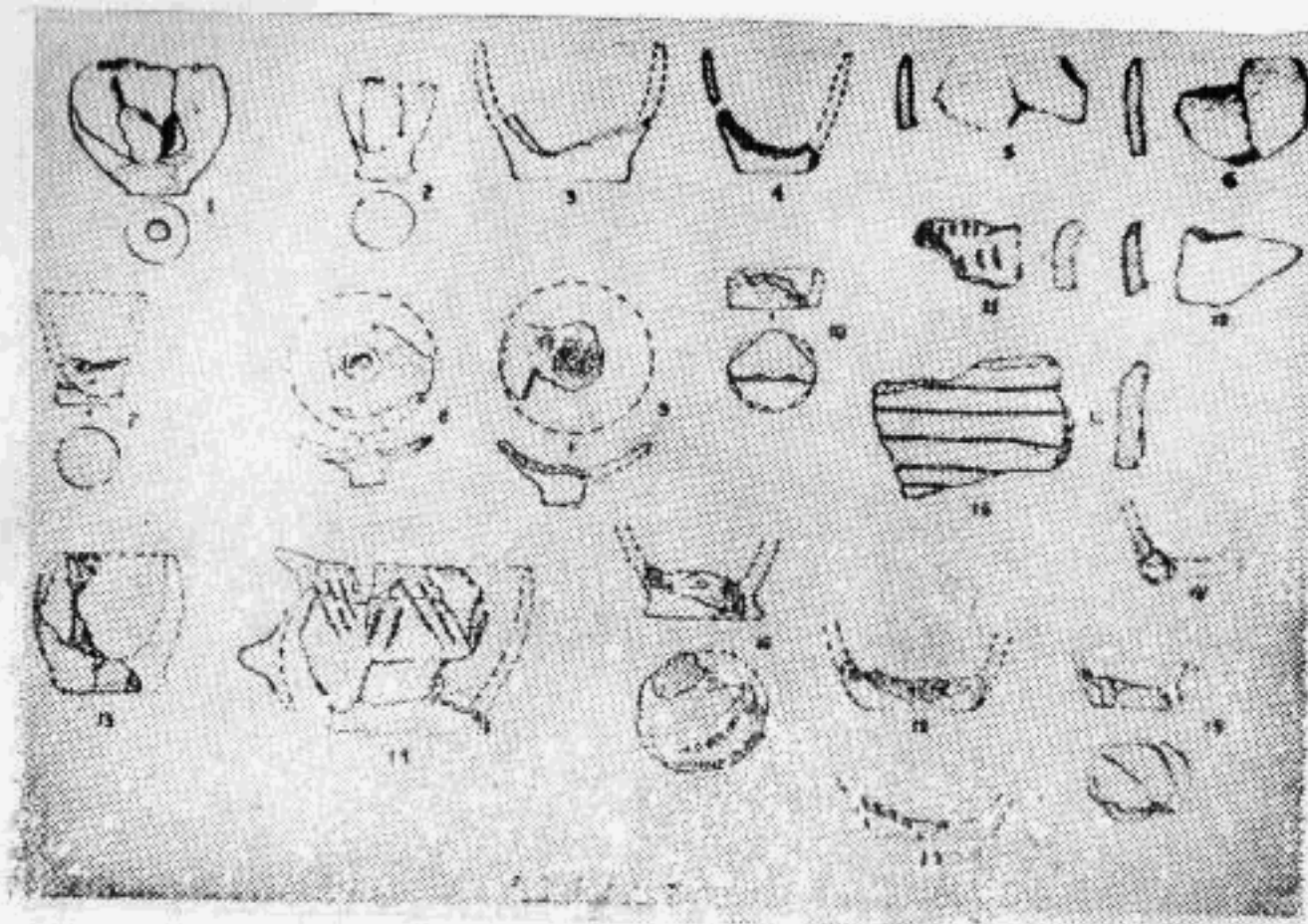

XVI.

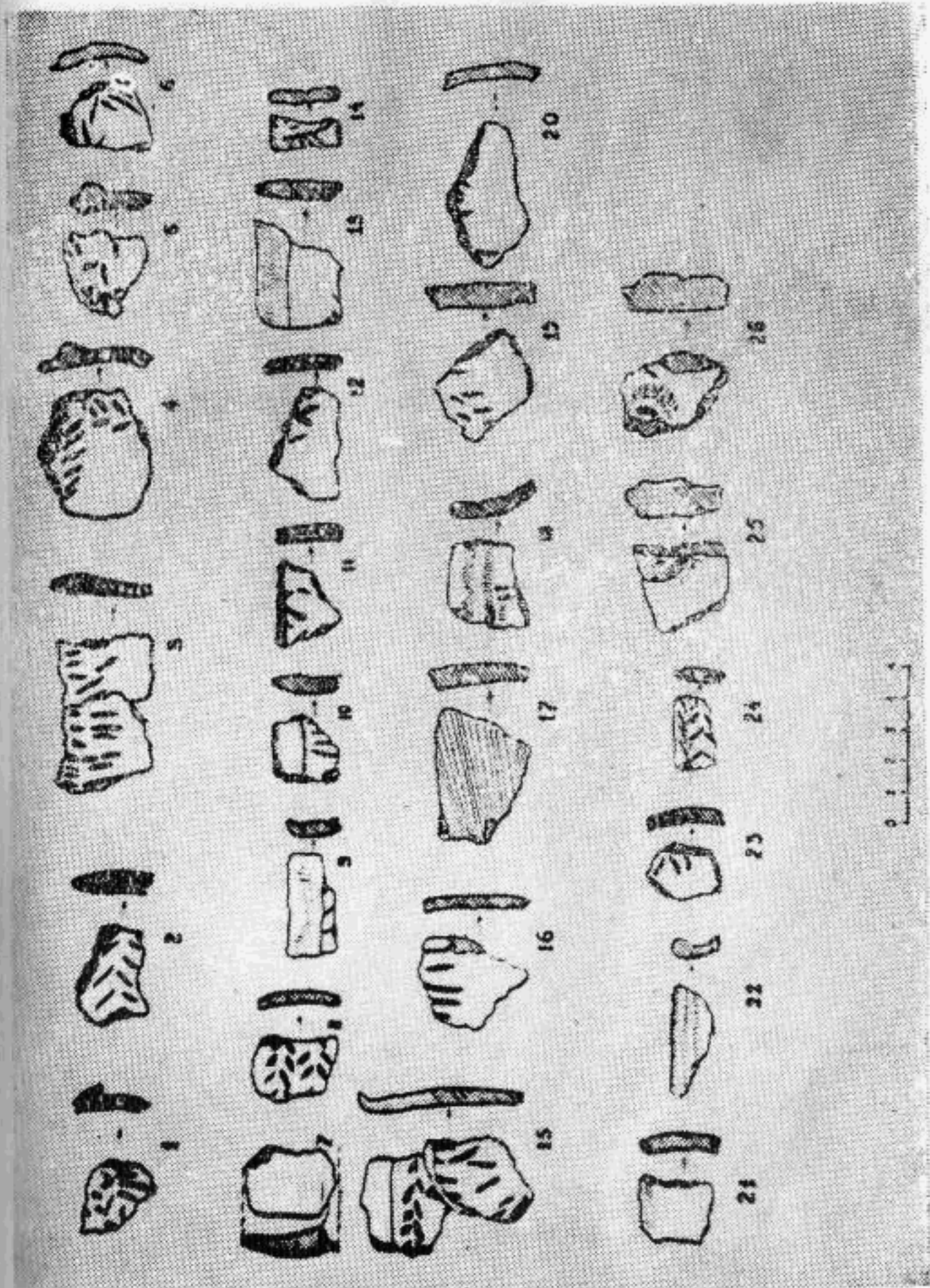

XVIII.

XVII.

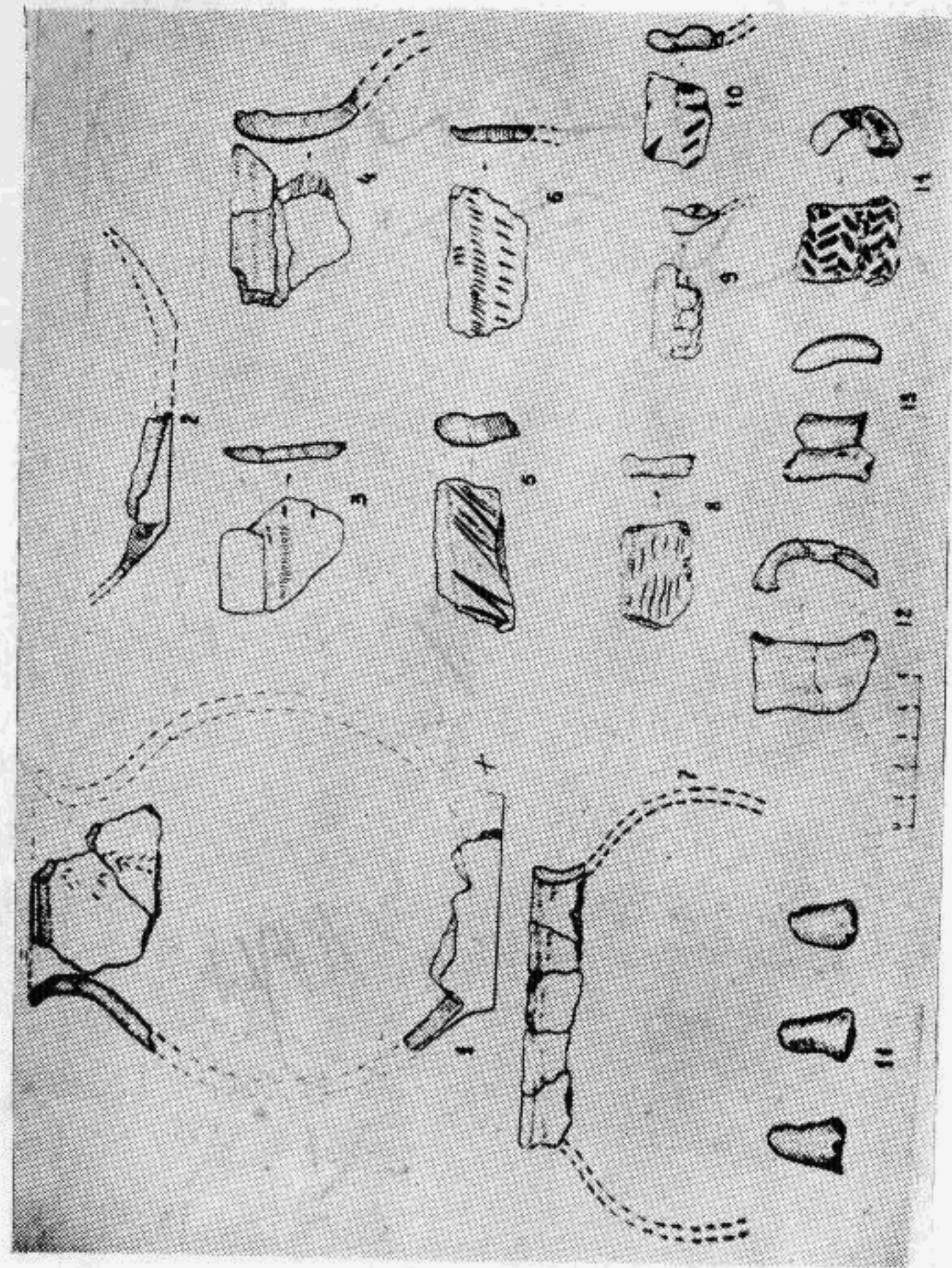

XIX.

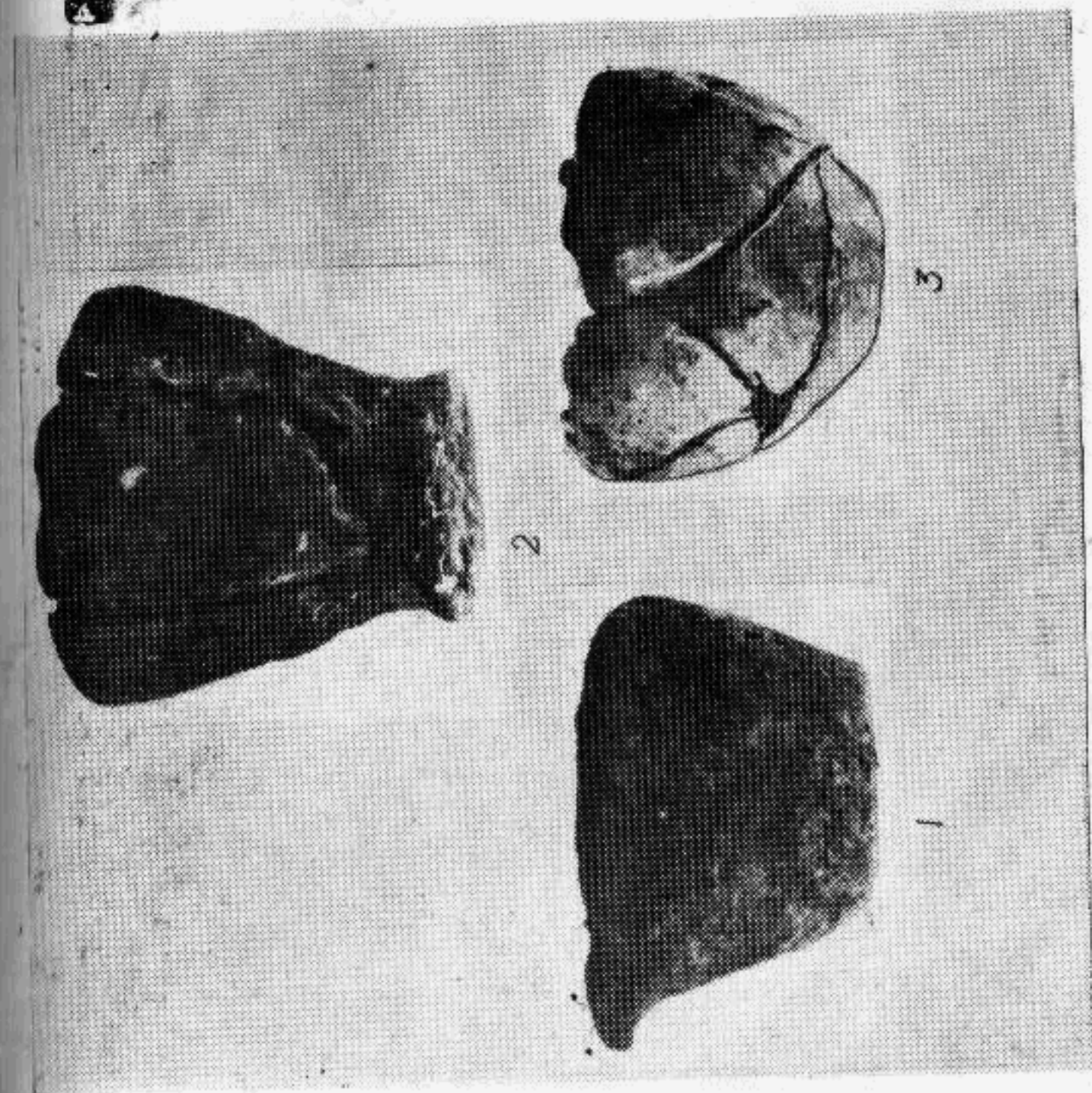

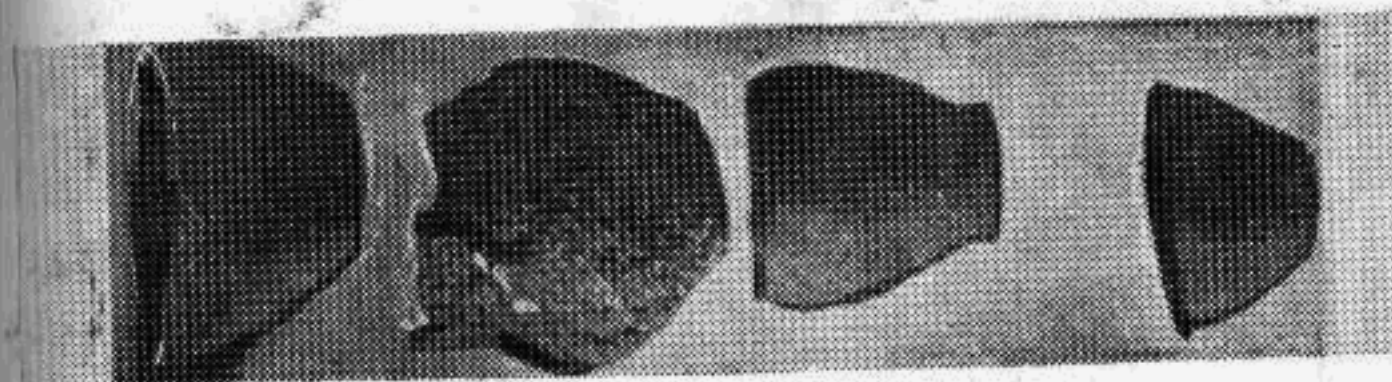

XXII.

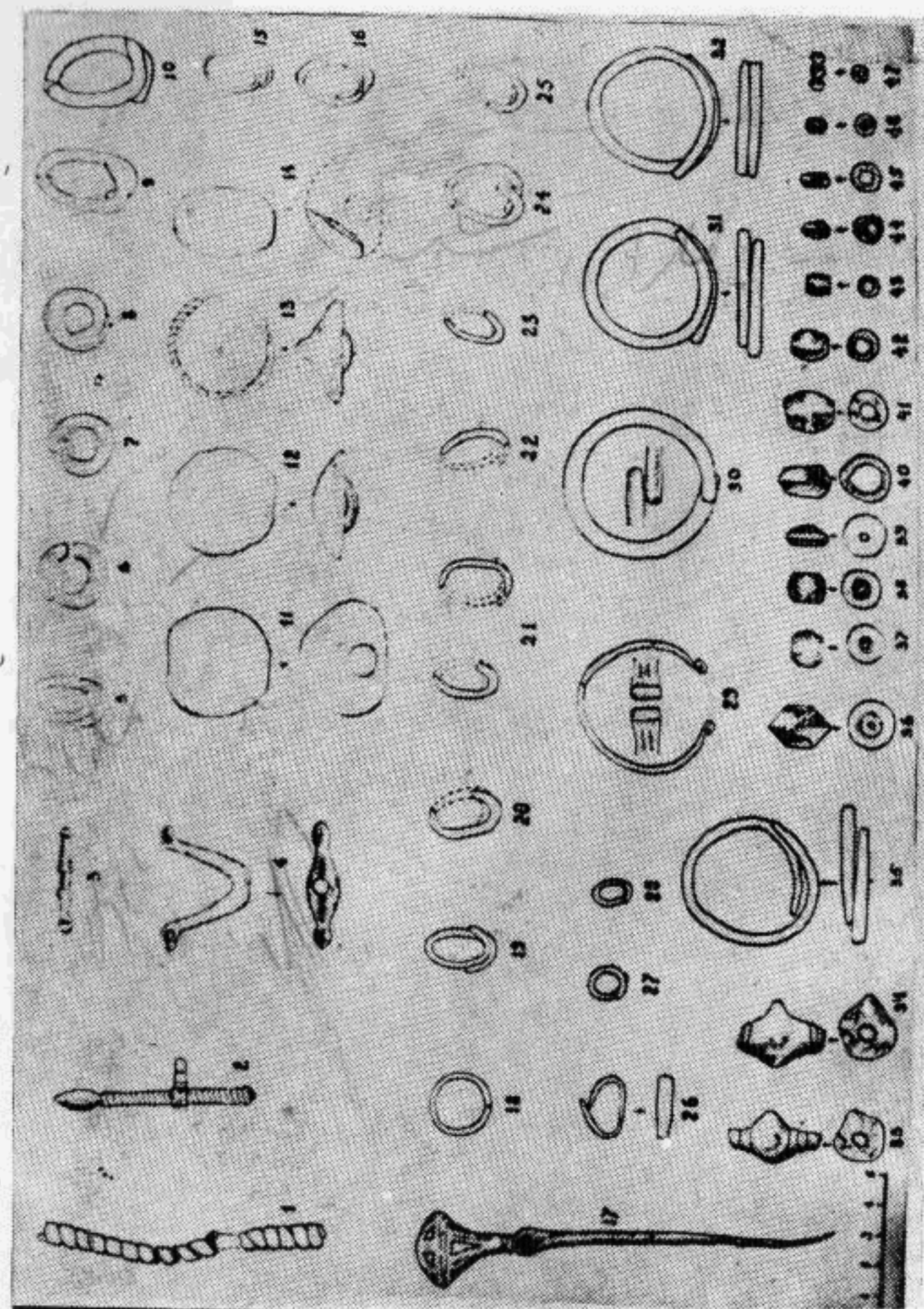

XXIII.

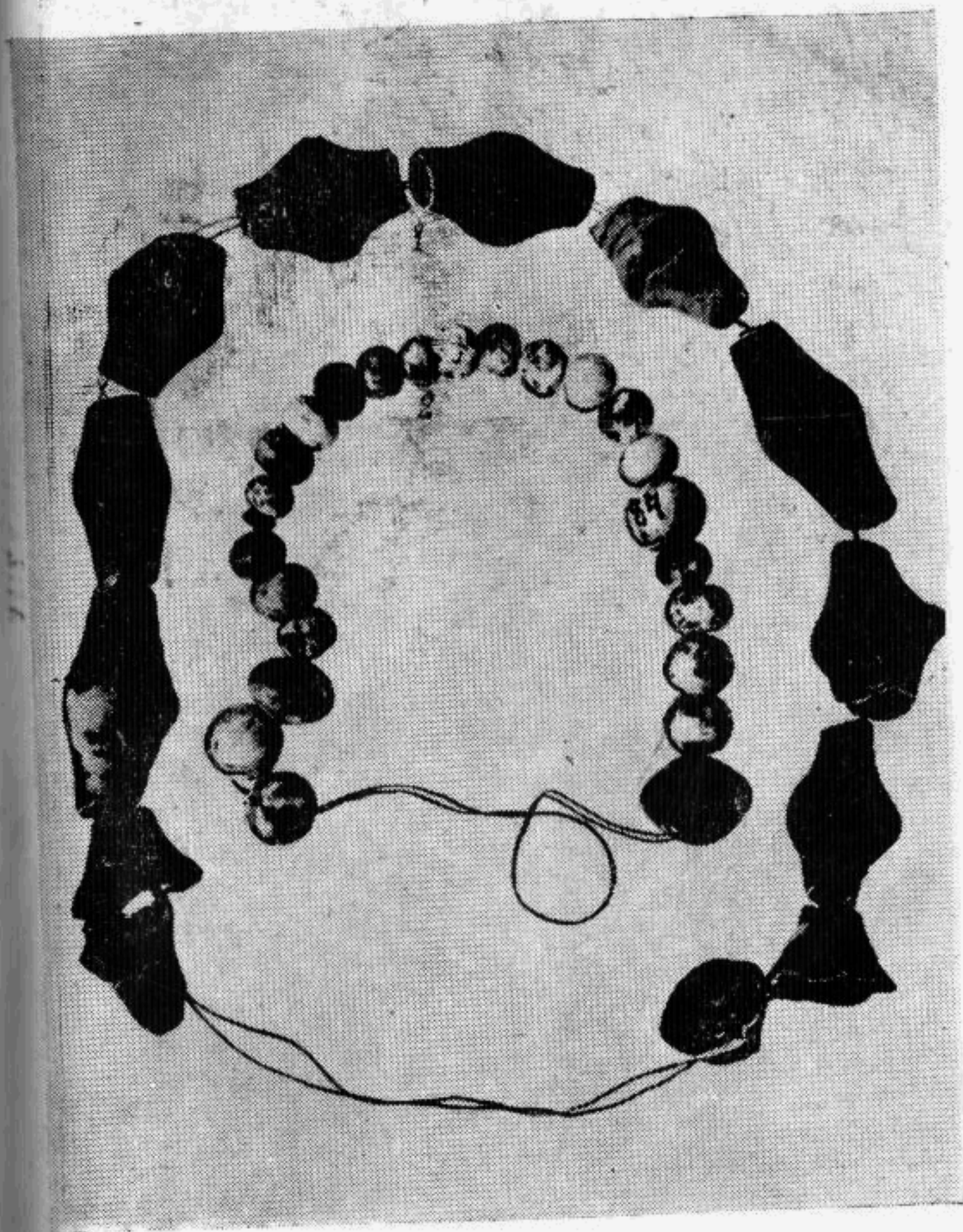

XXIV.

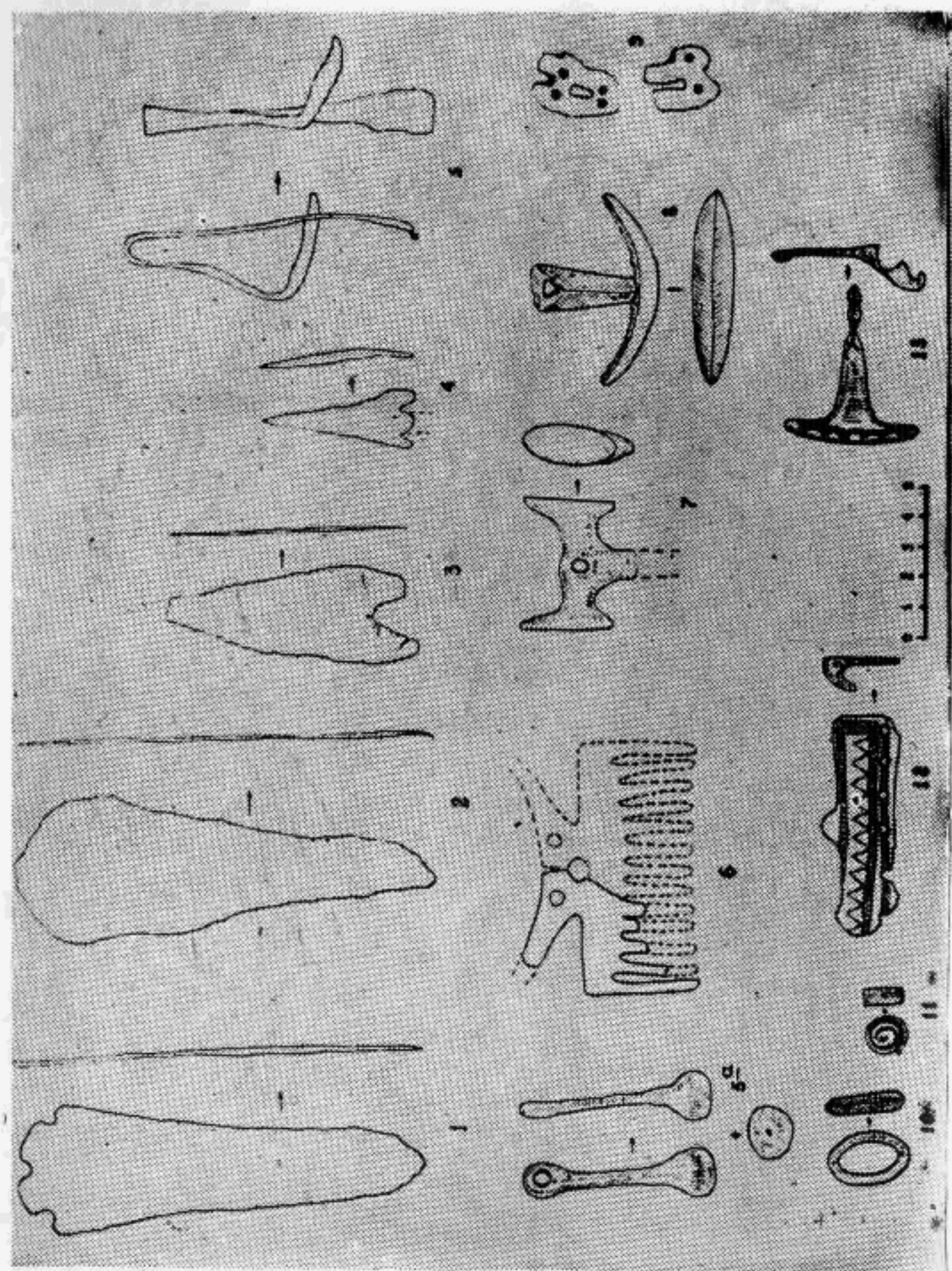

XXV.

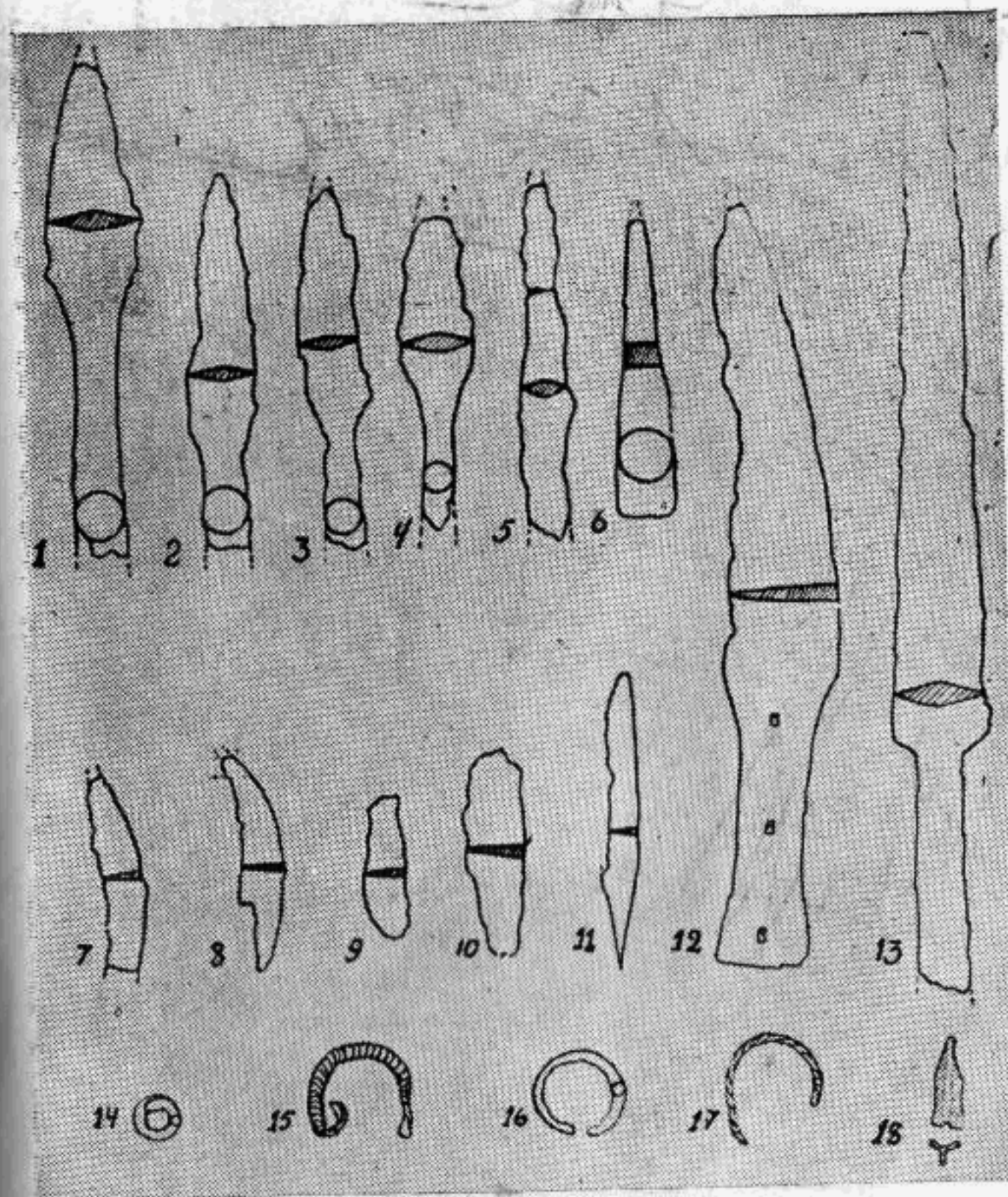

XXV a.

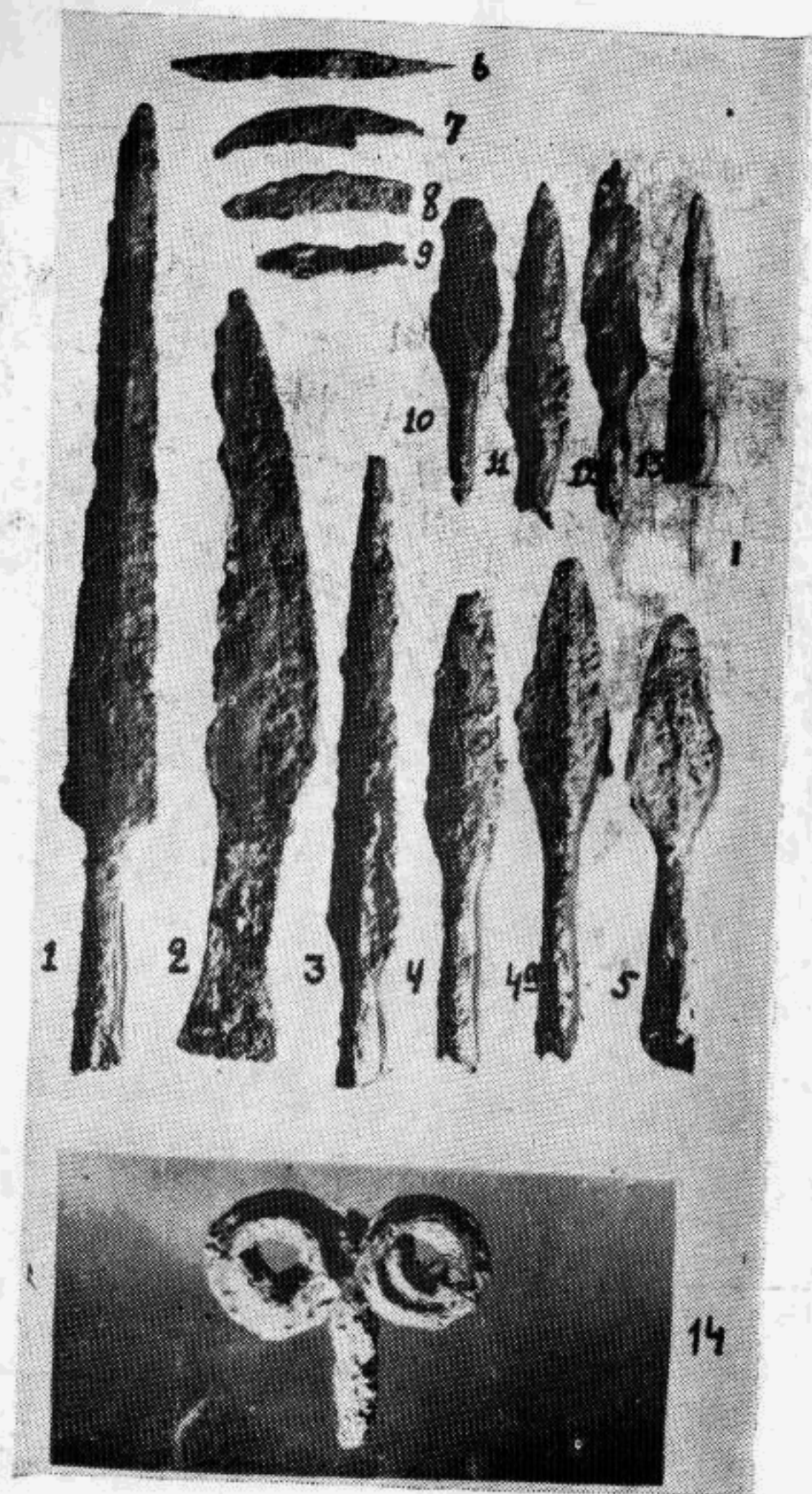

XXVI.

XXVII.

XXVIII.

СОДЕРЖАНИЕ

Раскопки кромлехов	3
Анализ вещевых находок	8
К вопросу о назначении эшерских кромлехов	31
О датировке эшерских кромлехов	43
Список сокращений	45
Описание таблиц	46
Таблицы	17

Гьаргь Куца-ица Шамба
ЕШЫРАТӘИ АКРОМЛЕХҚУА
(урысшәала)

გიორგი კუკას ძე შამბა
ეშერის აკრომლესხეი
(რუსულ ენაზე)

Редактор издательства **Аргун Л. Е.**
Художественный редактор **Цквитария П. Г.**
Технический редактор **Герзмава Н. В.**
Корректоры **Авидзба А. А., Мхитарян А. А.**

ЭИ00176. Сдано в произв. 10.XII.1973 г. Подписано к печати 28.V.1974 г.
Печати. лист. 4,5. Уч.-издат. лист. 4,0. Типогр. бум. № 1, ф. 60x90^{1/16}
Заказ № 4244. Тираж 800. Цена 40 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, Ленина, 9.

Сухумская типография № 7 им. Ленина
Госкомитета Совета Министров Груз. ССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Сухуми, ул. Ленина, 6.